

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛАНДШАФТА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ**

Под редакцией
В.Г. Барановского
И.Я. Кобринской

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 327(4)
ББК 66.4(4)
Рест 44

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова”

Рецензент: к.п.н. Н.Ю.Кавешников

Под редакцией академика РАН В.Г.Барановского, к.и.н. И.Я.Кобринской

Авторский коллектив: Л.С. Вартазарова, И.Я. Кобринская, С.В. Уткин,
Б.Е. Фрумкин

В докладе использованы материалы ситуационных анализов, в которых приняли участие: А.В.Авилова, Е.В.Ананьева, Т.Н.Андреева, В.Г.Барановский, К.В.Воронов, Ю.Д.Квашнин, А.М.Кокеев, А.А.Невская, И.Л.Прохоренко, И.С.Семенов, П.П.Тимофеев, Н.В.Тоганова, Б.Е.Фрумкин, С.В.Уткин, И.В.Болгова, Т.Э.Валева, Л.С.Вартазарова, К.Р.Вода, В.В.Воротников, Д.А.Данилов, А.В.Девятков, А.В.Дрыночкин, А.В.Загорский, П.Е.Кандель, С.А.Луконин, В.А.Оленченко, П.В.Осколков, А.В.Рябов, А.И.Тэвдой-Бурмули, Н.В.Фейт, О.В.Шишкина, Б.А.Шмелев.

Рест 44

Реструктуризация политического ландшафта европейских государств. Под ред. В.Г.Барановского, И.Я.Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 69 с.

ISBN 978-5-9535-0523-9

DOI:10.20542/978-5-9535-0523-9

В докладе анализируются актуальные изменения в политическом ландшафте – расстановке основных политических сил и партий и динамике общественного мнения - европейских государств, оценивается влияние этих изменений на развитие интеграционного процесса в Евросоюзе, внутреннюю и внешнюю политику стран, последствия изменений для России.

Restructuring of the Political Landscape of European States / Baranovsky V., Kobrinskaya I. eds. – Moscow, IMEMO, 2017. – 69 p.

ISBN 978-5-9535-0523-9

DOI:10.20542/978-5-9535-0523-9

The report analyses current changes in the political landscape – the alignment of the main political forces and parties and dynamics of the public opinion – of the European states and their impact on the integration process in the EU, domestic and foreign policy of the countries and the consequences of these changes for Russia.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте

<https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0523-9

© ИМЭМО РАН, 2017

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЙ ТРЕНД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ – ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	7
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В УСЛОВИЯХ «БРЕКЗИТА»	11
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	14
Германия	14
Франция.....	19
Великобритания.....	22
Нидерланды.....	25
Австрия	27
СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА	29
Дания	31
Норвегия.....	31
Швеция	32
Финляндия	33
ЮЖНАЯ ЕВРОПА	34
Италия.....	34
Испания.....	36
Греция	39
СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: «ЕВРОПЕЙСКИЕ ОТКАЗНИКИ» ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ «ВОСТОЧНЫЙ БЛОК»?	42
Страны ЦВЕ - члены ЕС.....	43
Страны ЦВЕ – не члены ЕС.....	55
РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИКУМА	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67

Введение

Вызовы XXI века неизбежно влекут за собой изменения во всех сферах общественной жизни. Чаще всего эти изменения не означают полного замещения старых сложившихся институтов, а предполагают адаптацию последних. Мир находится на этапе поиска новых решений, обеспечивающих, с одной стороны, эволюционный и стабильный характер развития, а с другой стороны – формат функционирования, не только соответствующий новым реалиям, но и запрограммированный «на вырост». То есть способный успешно адаптироваться к вероятным серьезным сдвигам в социально-экономической, технологической и политической сферах. Поиск ведется как на наднациональном уровне, так и отдельными государствами – и глобальными и региональными акторами, и малыми странами, попутно пытающимися определить и закрепить свои интересы в новом глобальном и региональном мироустройстве.

От того, насколько успешным окажется этот поиск, зависит не только характер дальнейшего внутреннего развития отдельных стран, но и эволюция внешнеполитических курсов, а в конечном итоге, региональная и глобальная стабильность международной системы.

Наиболее концентрированно и рельефно сходства и различия в процессах внутреннего развития отдельных развитых государств можно наблюдать на европейском пространстве. Значительная часть стран этой части света придерживается общего понимания основополагающих демократических принципов политического устройства. Регулярные выборные кампании, в целом проходящие в соответствии с принятыми правилами, позволяют производить достаточно точные замеры настроений избирателей, хотя перемена этих настроений, тем не менее, часто оказывается труднопредсказуемой. В географически относительно компактном регионе страны сталкиваются как с общими для всех проблемами, так и со специфическими для отдельного государства или субрегиона. В процессе приспособления к новым вызовам нередко на поверхность всплывают забытые проблемы, выявляется недостаточная эффективность государственных механизмов.

Одна из плоскостей, в которых проявляется неоднородность Старого Света – это сохраняющаяся специфика Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), с другой. Сложившиеся между ними ранее отношения учителей и учеников, по-видимому, остаются в прошлом. Страны ЦВЕ стали полноправными членами ЕС и НАТО, относительно успешно провели многочисленные реформы, в целом соответствовавшие западноевропейским представлениям об идеале институциональной эффективности. В некоторых столицах субрегиона формируется крен в сторону более критического восприятия практик, предлагавшихся бывшими «учителями», начинаются поиски «третьего пути», не тождественного испытанным ранее моделям. При этом возникает напряжение, обусловленное диссонансом между характером развития отдельной страны-члена ЕС и единообразной институциональной рамкой интеграционного объединения.

К 2018 году многосоставной кризис в Европейском Союзе достиг масштабов, требующих от руководства ЕС и его стран-членов серьезных корректив. Главным приоритетом в 2018 году, как полагает Высокий представитель ЕС по внешним делам и политике безопасности Федерика Могерини, должен стать «перезапуск ЕС».

В числе важнейших факторов, приведших к ситуации, когда возникла необходимость в «перезапуске»: фактическое переформатирование социального государства (рост социальных дисбалансов, рост бедности, размывание привычной системы базовых ценностей, эрозия среднего класса); неэффективность национальных правительств; недостаток реальных подвижек в экономике и социальной сфере; нарастание диктата и степени бюрократизации наднациональных структур ЕС; миграционный кризис.

Реакцией на сложившуюся ситуацию в Европе стали, среди прочих, две тенденции, меняющие ее политический – внутристрановой и в ЕС в целом – ландшафт: рост влияния правопопулистских, в том числе, радикальных сил, а также более активная независимая национально-ориентированная политика новых членов ЕС – стран ЦВЕ.

Эволюция политического ландшафта отдельных европейских государств имеет существенное значение для России. Меняющиеся соотношения политических сил корректируют внешнеполитические

курсы стран. Политика ЕС формируется как равнодействующая, в которой зачастую не могут не учитываться озабоченности даже небольших государств-членов. В современных условиях, когда политика в отношении России нередко оказывается одной из наиболее «горячих» тем политических баталий в Европе, формирующиеся тенденции особенно важно зафиксировать и понять.

Настоящее исследование опирается на ситуационные анализы по вопросам европейской политики, проведенные Центром ситуационного анализа ИМЭМО им. Е.М.Примакова в 2017 г. В ходе работы ведущими российскими экспертами производилась оценка партийной политики и общеполитической ситуации в отдельных странах Европы.

Праворадикальный тренд в политической жизни Европы – общая характеристика

Укрепление в политической системе позиций сил, которые по традиционной партийной шкале могут быть отнесены к радикальным правым, стало заметным трендом не только в Европе, но и в США, и даже в благополучной и мультикультурной Австралии. Эти партии превращаются в привычную часть политического ландшафта, а в массовом общественном мнении их поддержка за последние примерно 2 года перестала (с определенными оговорками) восприниматься как нечто неприличное.

В большинстве случаев радикальные правые - это протестные антиистеблишментские, антиэлитные партии и политические силы. Это – форма канализации протеста не только против диктата со стороны ЕС и евробюрократии, но и против бюрократизации собственных государств, против необъективных СМИ и против политического иммобилизма, который сложился вообще в системе европейской демократии. Потерю доверия к традиционным политическим силам, особенно усилившуюся в период экономической стагнации после кризиса 2008-2009 гг., не удалось компенсировать и в условиях некоторого экономического подъема и выхода из рецессии.

На волне протестов стал более подвижным сам политический ландшафт в европейских странах. В частности, ушла в прошлое привычная дихотомия «правые – левые». Так, радикальные правые силы сегодня выступают, в частности, за перераспределительную экономику, но апеллируют при этом не к социальному государству, защищающему всех, а к государству, защищающему работающих – «the workers», ратуя за создание рабочих мест, поддержку малого и среднего бизнеса, за поддержку в целом национального бизнеса.

Поддержка радикальных правых сил происходит в форме, которую в западных научных кругах принято называть «массовой» и/или «протестной» политикой. Наглядным примером может служить чешская партия «Рассвет прямой демократии» Т.Окамуры (после партийного кризиса 2015 г. преобразовалась в объединение «Рассвет - Национальная коалиция»). Партия, провозглашавшая своей идеологией прямую демократию, правый популизм,

евроскептицизм и антиисламизм, получила на Парламентских выборах 2013 г. примерно 6,9% голосов и 14 мандатов. При этом реализация принципа «прямой демократии» заявляется «в качестве решения проблемы коррупции, кумовства, клиентелизма и клептократии», а члены партии выступают за более частое проведение референдумов, прямые выборы депутатов, сенаторов, мэров и региональных губернаторов, установление режима президентской республики и, следовательно, более глубокое разделения властей.

Радикально правые силы апеллируют, в первую очередь, конечно, к страхам населения. Страхы связаны не только с иммиграцией (опасением миграционного кризиса из-за серьезных провалов в европейском регулировании этого процесса), но и с ростом социальных дисбалансов, ростом бедности, с гетеризацией больших европейских городов - т.е. со всем комплексом социальных проблем, связанных с переформатированием социального государства. И здесь субъективное восприятие реальностей имеет очень большое значение, что сказывается, в первую очередь, на усилении поддержки радикальных правых сил, поскольку традиционным партиям трудно действовать на площадках иррационального восприятия, хотя они и пытаются играть на «эмоциональном поле» (так, на президентских выборах 2016 г. Австрийская партия свободы активно использовала облетевшую весь мир фотографию утонувшего сирийского мальчика).

Избиратель, поддерживающий радикальные правые силы, голосует за: изменение иммиграционной политики, более жесткую перераспределительную политику – то, что называется «redistributive economy», безопасность и стабильность.

Значительные изменения за последнее время произошли в политической системе европейских стран – она стала нестабильной, размежевания идут уже не просто по линии страхов, но и в отношении системы ценностей. Так, например, ставится под сомнение такая ценность как политкорректность. Множится число тех, кто считает, что продолжение политкорректного курса, который проводят традиционные партии, ведет к ограничению свободы выбора людьми своей идентичности. Вообще, борьба за идентичность – национальную и/или территориальную, борьба против угрозы размывания понятных ориентиров идентичности оказывается в центре полемики. И с этим связано такое явление как

«новый национализм» - национализм, прорастающий в обществах с развитыми гражданскими институтами, с высоким уровнем гражданского участия и социальной защищенности.

Глубинные причины сдвигов в общественных настроениях к концу второго десятилетия 21 века еще предстоит проанализировать не только социологам, но и, как верно отмечает лондонский Международный институт стратегических исследований (IISS), психологам. На текущий момент социологи отмечают два базовых фактора: ценностный и страх перед будущим¹. Они констатируют углубляющийся конфликт между прогрессивными и традиционными ценностями, с одной стороны, и, с другой – увеличивающийся разрыв между выгодополучателями от глобализации и теми, кто остался позади. Ценностный подход объясняет новые тренды протестом «обычных людей» против навязанных им элитами против их воли либеральными правами, такими, как гендерное равенство, права гомосексуалистов, этно-религиозная толерантность, защита окружающей среды. И в этом смысле поддержка популистских политических сил и партий представляет собой «восстание» против либеральных элит. Второй подход фокусируется на экономическом отставании от процессов глобализации и выявляет страх растущего числа людей остаться на обочине мирового развития. Как полагают аналитики Фонда Бертельсмана, именно страх перед глобализацией играет решающую роль в протесте против политического мейнстрима, в то время как ценностные оценки вторичны. Очевидно, что страхом перед глобализацией больше мотивированы люди с более низким уровнем образования и дохода, среднего и старшего поколения. Нельзя не отметить, что хотя исследование немецкого фонда, озаглавленное «Страх, а не ценности», касается европейского общественного мнения Европы, в Соединенных Штатах именно такой электорат обеспечил победу Д.Трампу.

Несомненна связь происходящих процессов трансформации партийно-политических систем западных стран с реальными социально-экономическими процессами, которые происходят на Западе в последние годы и даже десятилетия, но особенно ярко

¹ de Vries C., Hoffmann I., *Fear not Values. Public Opinion and the Populist Vote in Europe*. Bertelsmann Stiftung, 2016, 34 p. Available at: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/fear-not-values/> (accessed 5.11.2017)

проявились после кризиса 2008-2009 гг. В первую очередь это касается эрозии среднего класса, который был основой политического консенсуса внутри стран Запада. Ускорение процесса эрозии приводит к тому, что системные политические партии, которые в предыдущие годы и десятилетия стремились к центру политического спектра, отражая «центристские» настроения своего избирателя, стали терять опору. Тем временем все более активно проявляют себя края политического спектра, занятые право- и левопопулистскими и/или право- и леворадикальными силами.

Несмотря на успехи правых радикалов на выборах разного уровня, перспектива прихода их к власти в таких странах, как Германия и Франция, очень незначительна. Наибольшее влияние радикальные правые силы имеют на сегодня в Нидерландах и странах Северной Европы, где их представители на равных сражаются за посты президента и премьера, представлены в правительстве. При этом обращает на себя внимание, что в силу отсутствия реальной (а не протестной) политической программы и благодаря способности к адаптации и мимикрии, радикальные правые силы при прорыве к реальным властным рычагам хорошо вписываются в политические системы соответствующих стран. Это наглядно продемонстрировала Северная Европа - от Дании до Финляндии и, отчасти, Франция, потому что Национальный фронт образца 2017 г., переориентированный на очень широкую аудиторию – это совсем не та организация, какой она была буквально 10 лет назад во времена руководства этой структурой старшим Ле Пенем.

Успехи праворадикальных сил в Европе можно рассматривать в качестве устойчивой тенденции, как минимум, на среднесрочную перспективу. При этом с высокой степенью вероятности будет наблюдаться не только их все более активное продвижение во власть в европейских странах, в том числе в рамках правящих коалиций, но и их возрастающее влияние на позиции правоцентристских и, возможно, левоцентристских сил.

Европейский союз в условиях «Брексита»

Распространено мнение, согласно которому ЕС сможет воспользоваться выходом традиционно отличавшейся евроскептицизмом Великобритании, чтобы, не будучи ограниченным британской позицией, инициировать дальнейшее углубление интеграции. Одним из признаков движения в этом направлении некоторые эксперты видят достигнутые к концу 2017 г. договоренности о «постоянном структурированном сотрудничестве» стран ЕС, за исключением Великобритании, Дании и Мальты, в оборонной сфере. Однако стремление ЕС к более тесному взаимодействию в вопросах обороны и безопасности было провозглашено еще в конце 1990-х гг., а в первой половине 2000-х страны-участницы европейской интеграции сформировали достаточно четкое понимание возможного направления движения – минимизации расходов и увеличения возможностей за счет совместных усилий. Впоследствии экономический кризис привел к потере заявленной динамики. Возвращение ЕС к теме продвинутого сотрудничества в оборонной области логично, но не революционно.

В целом ряде предполагающих остаться в Евросоюзе после выхода Великобритании 27-ми стран евроскептические настроения довольно заметны и могут тормозить реализацию предложений по углублению интеграции не многим менее эффективно, чем это делало британское правительство. Предпринятые в странах ЕС, где в течение 2017 г. проходили выборные кампании, попытки праворадикальных партий манипулировать темой миграционной угрозы принесли им некоторое, хотя в большинстве случаев и не решающее преимущество. Риски новых миграционных всплесков не реализовались, и на первый план предвыборных дебатов вышли вопросы налогообложения и экономического развития. Тем не менее, дисбалансы миграционной политики остаются одной из заметных причин разногласий как между странами ЕС, так и на внутривнутриполитической арене отдельных стран. Евроскептические силы по-своему используют преимущества интеграции и формируют своего рода общеевропейский интернационал, разжигающий опасения в отношении мигрантов и ислама.

Выход Великобритании наряду с внутренней эволюцией отдельных стран ЕС ведет к изменению сложившихся балансов в системе принятия решений Евросоюза. Страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) с их особым, более скептическим взглядом на интеграцию по-новому осознают свою ответственность за противодействие неприемлемым для них идеям, которые ранее блокировались бы британскими дипломатами. В странах Западной Европы, в свою очередь, появляется понимание, что, по крайней мере, в ближайшие годы ради обеспечения солидарности ЕС им придется принимать во внимание специфику внутренней и внешней политики ЦВЕ. Традиционно под спецификой ЦВЕ понималось и критическое отношение к России. Хотя уже со второй половины нулевых годов, т.е. практически сразу после их принятия в Евросоюз, в этом регионе выявились четкие различия между более прагматично настроенными странами (Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Болгария, Хорватия) и «принципиальными» критиками России (страны Балтии, Польша, Румыния), к 2017 г. и в этой группе наметилась дискуссия о важности большего прагматизма в политике. Однако критический подход к России подкрепляется незавершенностью конфликта на Востоке Украины.

Группа ведущих стран ЕС разобщена различиями в экономической и политической динамике. Традиционное представление о франко-германском моторе, двигающем европейскую интеграцию, продолжает вдохновлять часть интеллектуальных элит, но подтверждается практикой лишь в отдельных случаях.

Франции и Германии ЕС по-прежнему уступает основную роль в процессе урегулирования украинского кризиса. ЕС мог бы заявить о себе, как об одном из спонсоров восстановления затронутых конфликтом территорий, но скорее не напрямую, а через совместные с другими партнерами договоренности. В контексте конфликта сохраняется восприятие ЕС как актора, не способного нейтрально отнестись ко всем его участникам, что дополнительно ограничивает пространство для маневра.

Еврокомиссия под руководством Ж.-К.Юнкера должна продолжить свою работу до второй половины 2019 г. Неизменным остается официально провозглашенный в 2014 г. подход, согласно которому не следует ожидать вступления в ЕС новых стран в этом политическом цикле. С учетом того, что со стремящимися к

вступлению в ЕС Грузией, Молдовой и Украиной уже заключены Соглашения об ассоциации, включающие зону свободной торговли, и о безвизовых поездках, у Брюсселя на краткосрочную перспективу не остается символических «вех», которыми можно было бы отметить дальнейшее сближение с этими странами. В отсутствие прогресса, который можно продемонстрировать избирателю, нельзя исключать деградацию, обусловленную не решениями ЕС, а внутривосточной динамикой стран-партнеров.

При большой значимости для ЕС событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке ни Брюссель, ни ведущие страны Евросоюза не смогли продемонстрировать способности к эффективным действиям в нестабильном регионе. Нет оснований предполагать, что в обозримом будущем ситуация изменится. На ЕС вновь склонны смотреть как на торгового партнера, но не политического тяжеловеса. Выход Великобритании неизбежно усугубляет ситуацию: если одна из крупнейших европейских экономик намерена покинуть ЕС, значит его внутренние проблемы на сегодня не решены, и именно ими он будет занят в первую очередь, не выступая с новыми амбициозными внешнеполитическими проектами.

Ограниченные собственные возможности ЕС на международной арене не получается компенсировать за счет трансатлантического взаимодействия. Президентство Д.Трампа убеждает всё большую часть европейской политической элиты, что будет неверно определять свою стратегию, исходя из предпосылки принципиального совпадения интересов ЕС и США.

В 2017 г. Германия, Франция, Великобритания, Нидерланды прошли через непростые выборные кампании, в ходе которых центристы показали свою сохраняющуюся способность противостоять радикалам. В то же время, политический центр вынужден адаптироваться к новым вызовам и, в том числе, учитывать критику с набирающего ограниченную популярность праворадикального фланга.

Западная Европа

Германия

В Германии политический ландшафт и специфика выборов во многом определялись пребыванием у власти правительства «большой коалиции», объединяющей ведущие центристские партии – ХДС/ХСС и СДПГ. С учетом того, что лидерство в коалиции определено сохраняет ХДС во главе с многолетним канцлером А.Меркель, СДПГ изначально оказалась в положении, которое, с одной стороны, предполагает ответственность за действия правительства, а с другой, необходимость сформировать предвыборные предложения, оппозиционные проводимому курсу. Некоторый импульс популярности СДПГ придало возвращение на внутригерманскую политическую сцену М.Шульца, ставшего кандидатом на позицию канцлера после длительной работы в Европейском парламенте, в том числе, в качестве председателя последнего. Личный фактор, однако, оказался короткоживущим. М.Шульц не сумел сформировать привлекательной альтернативы А.Меркель, ни в части программных положений, ни как лидер-харизматик.

Политические атаки против А.Меркель, главным образом, сосредотачивались на проводившейся ею политике в отношении прибывающих в страну мигрантов. Оппоненты упрекали канцлера в неэффективности и чрезмерной мягкости, которая, по их мнению, спровоцировала миграционный кризис. Однако в условиях, когда пик кризиса очевидно преодолен, а новых обострений миграционной обстановки не произошло, такого рода упреки выглядели устаревшим политическим инструментом.

Поскольку опросы общественного мнения четко фиксировали высокую популярность ХДС/ХСС и существенно отставание СДПГ, основной интригой выборов стали вопросы о коалиционном характере формируемого по результатам выборов правительства и о роли малых партий в Бундестаге.

В части представительства малых партий в Бундестаге наиболее острые политические дебаты развернулись вокруг

перспектив основанной в 2013 г. и ранее не представленной в германском парламенте партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Не преодолевшая на выборах в Бундестаг в 2013г. пятипроцентный барьер АдГ сегодня насчитывает более 24 000 членов и имеет фракции в 13 из 16 немецких земель, а также 2 депутатов в Европарламенте.

Электоратом АдГ являются в основном нерелигиозные молодые мужчины со средним образованием, придерживающиеся правых взглядов и семейных ценностей, не склонные к дискуссиям по политическим проблемам. Хотя за АдГ голосуют 29% безработных, в то же время 33% её сторонников принадлежат к зажиточным слоям.

Вначале АдГ активно выступала за прекращение финансовой помощи Греции, призывала к выходу Германии из Еврозоны и возврату к немецкой марке, но в условиях миграционного кризиса была сделана ставка на жёсткую критику миграционной политики правительства, антиисламскую риторику и национализм. Именно это в первую очередь способствовало столь впечатляющим успехам АдГ. Одновременно в АдГ произошла чистка рядов, и на смену руководителям со сравнительно умеренными взглядами, пришли более радикальные - Ф.Петри, Й.Мойтен и А.Гауланд. При новом руководстве в партии заметно участились ксенофобские и антисемитские высказывания (вплоть до призывов пересмотреть критическое отношение к нацистскому прошлому), упрочились контакты с такими праворадикальными партиями в ЕС как французский «Национальный фронт» и голландская «Партия свободы».

На съезде АдГ в мае 2016 г. была принята программа, с которой партия участвовала в выборах в Бундестаг в сентябре 2017 г. Главной задачей определено противодействие исламу, который объявлен «несовместимым» с немецким правопорядком и европейскими ценностями. Основными требованиями являются: резкое ограничение притока мигрантов, запрет строительства мечетей и минаретов, ношения хиджабов и т.д., а также введение жёсткого пограничного контроля (вплоть до разрешения полиции стрелять по беженцам, пытающимся перейти границу). АдГ остаётся партией противников евро и выступает за референдум о выходе Германии из еврозоны. При этом партия не против членства ФРГ в ЕС, но только в рамках экономического сотрудничества (как до

1992 г). В программе решительно отвергается превращение ЕС в политический союз и содержится требование возврата национальным государствам компетенций, делегированных Брюсселю. Партия против вступления в ЕС Турции. Предложения отдельных делегатов съезда о включении в программу требования о выходе ФРГ из НАТО поддержаны не были, однако была принята оговорка о необходимости изменений НАТО в направлении возврата «к своему оборонному предназначению». Кроме того, АдГ считает, что Германия «обязана стать членом Совбеза ООН».

Будучи националистической партией с ярко выраженным антиамериканизмом, АдГ не скрывает симпатий к близкой ей по духу новой администрации США. В отношении к заключению договора о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИР) между ЕС и США у АдГ немало общего с другими оппозиционными партиями, но партия ещё более жёстко и последовательно выступает против; как из-за давления США на европейских партнёров (которое, якобы, пытается скрыть А.Меркель), так и из-за предполагаемого ущерба для немецкого малого и среднего бизнеса.

Альтернатива для Германии вносит заметные коррективы в современную политическую систему ФРГ. Для того чтобы не терять избирателей, ХДС и ХСС необходимо «поворачивать вправо», адаптировать какие-то постулаты и требования АдГ и включать их в свои программы. Вместе с тем влияния на принятие политических решений она практически не оказывает, а перспективы его возрастания весьма неопределённые (среди прочего и потому, что все немецкие партии пока отвергают возможности коалиционного сотрудничества с АдГ).

После выборов изменение партийного ландшафта обернулось сложностью сформировать правительство. На выборах в бундестаг 24 октября 2017 г. Союз ХДС-ХСС набрал 32,9%, СДПГ 20,5%, Зеленые – 8,9%, СвДП – 10,7%, партия «Левые» – 9,2%, Альтернатива для Германии – 12,6%. Сформировать коалиционное правительство «Ямайка» в составе Союза ХДС-ХСС, Зеленых и СвДП не удалось из-за выхода последних из переговоров. Поэтому партия ХДС, во главе с исполняющей обязанности канцлера А. Меркель, делает ставку на продолжение «большой коалиции» с СДПГ. В качестве запасного варианта рассматривается правительство меньшинства, то есть сформированное

исключительно из Союза ХДС-ХСС. В любом из этих вариантов канцлером останется А. Меркель. (Перевыборы представляются маловероятным сценарием, который мы не рассматриваем.)

Ни один из двух сценариев не означает значимых изменений в отношениях с Россией - смягчения санкций или резкого потепления отношений. Хотя, возможно, переговоры по насущным вопросам будет привычнее вести в условиях «большой коалиции», когда министерство иностранных дел будет возглавлять представитель СДПГ и можно будет опереться на имеющееся взаимопонимание, особенно в вопросах энергетики.

Тем временем для внутренней политики и развития западноевропейской интеграции сценарии «большой коалиции» и «правительства меньшинства» серьезно различаются. «Большая коалиция» будет проводить более социально ориентированную политику с фокусом на повышение уровня благосостояния наименее обеспеченных слоев населения (именно это высказывается как условие для продолжения «большой коалиции» со стороны СДПГ). Также вероятен большой отклик на предложения Макрона по усилению западноевропейской интеграции. В то же время не следует переоценивать готовность немцев финансово помогать южноевропейским странам: превращение ЕС в квази-федерацию со знакомым немцам финансовым выравниванием – крайне непопулярная идея в ФРГ вне зависимости от партийной принадлежности.

Вариант правительства «меньшинства», которого еще ни разу не было в истории послевоенной Германии, будет характеризоваться меньшей четкостью внутривластной линии и большим влиянием земель – то есть бундесрата – на федеральную политику. Дело в том, что при поиске большинства для реализации реформ правительство будет действовать с еще большей оглядкой на земли, поскольку бундесрат играет значимую роль в принятии релевантных для экономики и социального развития законов, а земельный уровень будет подталкивать оппозиционные партии к сотрудничеству с правительством по важным для земель вопросам. Немецкий корпоративизм, то есть умение различных игроков договариваться между собой – позволит им находить решения без вмешательства президента.

Также весьма вероятным представляется вариант, при котором правительство меньшинства не будет находиться у власти

весь законодательный срок: в удобный для Союза ХДС-ХСС момент могут быть назначены выборы.

В отношении западноевропейской интеграции правительство «меньшинства» может менее активно поддерживать Макрона, объясняя это своей «неполноценностью», но, в то же время, полностью защищая позицию ФРГ и немецкие деньги. Одновременно, так же как и в случае «большой коалиции», Германия будет стремиться получить максимальные выгоды от выхода Великобритании из ЕС (перенос некоторых расположенных в Великобритании институтов, повышение статуса Франкфурта как финансового центра и т.п.).

И «большая коалиция» и правительство «меньшинства» будут вынуждены активно заниматься миграционной и интеграционной политикой. При этом правительство «меньшинства» будет проводить более консервативную политику. Во-первых, активизируется высылка не получивших статус беженца лиц и тех, кто нарушил немецкое законодательство (в Афганистан и другие страны, но также возможна и высылка некоторых сирийских беженцев); во-вторых, право въезда семей тех, кто получил субсидиарную защиту, будет вновь отложено (действующий запрет истекает весной 2018 г.). Общим для обоих правительств будет активная политика по предотвращению потока беженцев, то есть увеличение программ как на уровне ФРГ, так и на уровне ЕС по помощи африканским странам и странам Ближнего Востока, а также усиление общеевропейской политики по распределению мигрантов среди стран ЕС. При обоих вариантах правительства возможно принятие нового миграционного законодательства, которое позволит активнее отбирать именно тех мигрантов, в которых нуждается экономика ФРГ.

По другим внешнеполитическим вопросам Германия будет вынуждена действовать реактивно вне зависимости от того, какое правительство будет у власти. Это объясняется и непредсказуемыми действиями США, и продолжением поиска правильного «тона» в отношениях с Израилем, и проблемами с Турцией. Несмотря на то, что в турецких тюрьмах продолжают находиться по политическим причинам 9 граждан ФРГ (большинство из которых, впрочем, имеют также и турецкое гражданство), Германия, учитывая миграционную проблему, будет стремиться сохранить статус-кво.

На остальных направлениях – урегулирование кризисных ситуаций – США будут подталкивать ФРГ к более активным действиям.

Важным изменением во внутренней политике станет выход на авансцену нового поколения политиков. Отчасти – это реакция на проигрыш всех партий Альтернативе для Германии, отчасти – естественная поколенческая смена. Так, на смену Х. Зехоферу премьер-министром Баварии в 2018 г. партия ХСС будет выдвигать М. Зедера (Markus Söder). В ХДС активнее станут Й. Шпан (Jens Spahn), Ю. Клекнер (Julia Klöckner) и др. СДПГ потребуются несколько лет для консолидации партии и для выдвижения новых харизматичных лидеров. Ведь в 2017 г. она проиграла не только на федеральном уровне осенью, но также и в традиционной социал-демократической земле Северный Рейн-Вестфалия на выборах в ландтаг весной.

Альтернатива для Германии заставила ХДС, ХСС, СвДП сдвинуться чуть правее в вопросах миграционной политики и этот тренд продолжится, а также все партии пересмотреть свой подход к работе в новых федеральных землях. Однако определить, насколько сама АдГ станет стабильной партией крайне сложно. Во-первых, первые месяцы после выборов в бундестаг показали, что верх берет радикальное правое крыло, которое может рассчитывать на поддержку лишь незначительной части электората. Во-вторых, партии не удастся выработать позицию по экономическим вопросам. Высказываются диаметрально противоположные позиции: некоторые представители Альтернативы солидарны с партией «Левые», другие – с либеральной СвДП по таким вопросам как пенсионное обеспечение. Поэтому вероятно, что как только проблема «миграции» отступит на второй план, партия не сможет сохранить ни свое единство, ни выступать единым блоком вовне. Также нельзя исключить выход депутатов из фракции АдГ в бундестаге и присоединение к другим партиям. Например, при усилении радикальной риторики умеренные консерваторы могут предпочесть ХДС.

Франция

Во Франции президентские и парламентские выборы, прошедшие в апреле-июне 2017 г., привели к беспрецедентному и, на первом этапе, успешному реформатированию ослабевшего

политического центра. Занимавший до августа 2016 г. пост министра экономики Э.Макрон сумел в кратчайшие сроки сформировать свое политическое движение и выиграть президентские и парламентские выборы с впечатляющими результатами.

Победе Э.Макрона способствовало плачевное состояние «старых» центристских партий. Партия социалистов дискредитировала себя слабыми результатами в период непопулярного президентства Ф.Олланда. Партия «Республиканцы», костяк которой составила бывшая команда также весьма неоднозначно воспринимаемого избирателем бывшего президента Н.Саркози, погрязла в коррупционных скандалах. Э.Макрон противопоставил соперникам не столько новые программные положения, сколько харизматическое лидерство и динамизм нового политического движения.

Потерпевшие поражение традиционные партии не теряют надежды на реванш и постараются использовать почти неизбежные промахи нового президента. Они используют момент триумфа Э.Макрона для внутренней перестройки и обновления. Наиболее заметно этот процесс движется у правоцентристских «Республиканцев», избравших своим новым лидером 42-хлетнего политика Л.Вокье, недолго занимавшего пост министра высшего образования в правительстве Ф.Фийона в 2011-12 гг. Социалисты, несущие на себе бремя неудачного президентства Ф.Олланда, находятся в более сложном положении. В целом можно ожидать, что основная борьба во французской политике будет разворачиваться между представителями правого фланга, атакующими Э.Макрона за эклектичность центристских подходов. В фокусе дискуссий может вновь оказаться тема миграции: Макрон не склонен играть на миграционных страхах в отличие от своих оппонентов, рассчитывающих найти понимание у избирателя.

Как уже случалось во Франции в 2002 г., популярность центристского кандидата на президентских выборах подкрепило то, что альтернативой ему во втором туре выступила лидер крайне правого «Национального фронта» (НФ) М. Ле Пен. Ее отец Ж.-М. Ле Пен в 2002 г. во втором туре выборов набрал 17,8%, она же набрала 33,9%, что можно считать результатом проделанной М.Ле Пен длительной работы по коррекции имиджа ее партии.

НФ был создан в 1972 г. националистами во главе с Ф. Дюпра. Он пригласил на пост председателя партии Ж-М. Ле Пена, «борца» за французский Алжир. Ле Пен заменил руководство своими сторонниками, и оставался бессменным главой партии до 2011 г., когда его сменила его дочь Марин. Она запустила стратегию обновления, получившую название «дедемонизации». Её задача состояла в изменении ряда программных положений НФ, формировании респектабельного облика партии в глазах французских избирателей и либерализации её политической риторики, что подразумевало отказ от прежде свойственных НФ антисемитских, расистских и ультрарадикальных высказываний.

Основной электорат НФ: мужчина (31%), в возрасте 18-24 года (35%), рабочий (43%) или работник по найму (36%), или крестьянин (35%), с невысоким уровнем образования (без степени бакалавра 36% или бакалавр – 32%). Как правило, это жители пригородов, мечтающие обзавестись собственным участком земли с домиком. Они выбирают безопасность, защиту от мигрантов на рынке труда, гордость за страну и французскую идентичность.

Программа НФ к президентским выборам 2017 г. предлагала выбор между национал-патриотическими силами и силами глобализации. Основные атрибуты политической риторики: апелляция к суверенитету и независимости Франции с использованием флера голлизма; акцент на укреплении порядка и безопасности (жесткие меры против преступности - пожизненное заключение за самые тяжкие преступления, уменьшение социальной помощи родителям детей, которые являются преступниками-рецидивистами); борьба с исламским фундаментализмом.

Основные элементы социально-экономической риторики: рост покупательной способности французов; протекционизм (введение «умного протекционизма» через поддержку французских предприятий на фоне глобализации, возврат к франку, поддержка бренда «Сделано во Франции», введение дополнительного налога на наём иностранцев на работу во Франции); социальная поддержка (выход на пенсию в 60 лет, сохранение 35-часовой недели, закрепление за французами первоочередного права на получение социального жилья, уменьшение на 5% тарифов на газ и электричество); поддержка малого бизнеса.

Национальный фронт негативно настроен к глобализации и американизации, отодвигающей Францию с передовых позиций в

мире. НФ выступает за многополярный мир, в котором Франция могла бы играть роль важной державы; за отказ от договоров о свободной торговле – Трансатлантическая ЗСТ, ССТ ЕС-Канада, ССТ с Австралией, Новой Зеландией и т.д.

Пунктом №1 в программе НФ значится проведение референдума о выходе из ЕС. Цель: Европа народов, а не евробюрократии. Предполагается восстановление национальных границ, выход из Шенгена, отказ от евро в пользу франка, поддержка французских крестьян и рыбаков через госзаказ.

Членство Франции в НАТО, по мнению НФ, ограничивает ее свободу, означает подчинение политике США и заставляет связываться в конфликты, где у Франции нет интересов. Поэтому предлагается выход из интегрированного командования НАТО, проведение независимой от НАТО и ЕС внешней политики, укрепление собственных вооруженных сил.

НФ считает, что мигранты несут угрозу для граждан Франции (потеря рабочих мест, отбор социального жилья, отток денег за рубеж, рост преступности, распространение чужой культуры и т.д.).

Марин Ле Пен одна из немногих во Франции приветствует избрание Трампа, у которого она ценит принципы протекционизма и суверенитета народов.

Э.Макрон, одержавший победу в борьбе с главным французским евроскептиком – Марин Ле Пен, пытается вернуть моду на еврооптимизм. Он намерен использовать и укреплять механизмы Евросоюза для решения общих проблем стран-членов. Конкретизация и воплощение этих планов в жизнь откладывались в 2017 г. под влиянием германского выборного календаря. Но, когда Э.Макрон дождется формирования германского правительства, при общем еврооптимизме политического мейнстрима двух стран, на первый план могут выйти уже намечающиеся существенные разногласия, в частности, касающиеся функционирования еврозоны.

Великобритания

В Великобритании развитие внутренней политической жизни проходит под знаком «Брекзита» - принятого на референдуме в

июне 2016 г. решения о выходе страны из ЕС. Глубина предстоящих изменений меняет повестку дня партий и отношение к ним избирателей. Консерваторы во главе с Т.Мэй, провозгласившие свою готовность успешно провести страну через процесс «Брекзита», инициировали досрочные выборы в июне 2017 г., рассчитывая укрепить свое лидерство. По результатам неудачной кампании они не смогли заручиться большинством голосов в парламенте и были вынуждены вступить в коалицию с небольшой крайне правой североирландской Демократической юнионистской партией. Ирландский вопрос при этом остается одной из существенных проблем «брекзита» - желание сохранить существующий в настоящее время свободный режим пересечения границы между входящей в ЕС Республикой Ирландия и Северной Ирландией будет непросто примирить с выходом Великобритании из общего пространства интеграционного объединения.

Главный соперник консерваторов – лейбористы – не считали возможным во время и после референдума отстаивать сохранение Великобритании в составе ЕС, опасаясь электоральных потерь. По мере того как негативные последствия выхода начинают беспокоить избирателей, в партии раздаются голоса в пользу смены позиции. Внутрипартийные споры лейбористов, ведомых противоречивым выходцем из левого крыла партии Дж.Корбином, ослабляют оппозицию и придают консерваторам уверенности в сложившемся непросто положении. Единственные открытые «еврооптимисты», сторонники сохранения в составе ЕС на британской политической сцене – Либеральные демократы получили лишь 12 мест в 650-местной Палате общин (на 4 места больше, чем на предыдущих выборах). В условиях мажоритарной системы каким-либо новым политическим силам чрезвычайно непросто занять место устоявшихся лидеров. Малые партии изначально ставят своей задачей только воздействие на политику ведущих политических сил.

Одной из таких сил, фактически реализовавшей свою программу по результатам референдума 2016 г. является Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК). ПНСК находится в поиске новой экзистенциальной цели. Уход Н.Фараджа с поста лидера партии вызвал кратковременный кризис, однако партия удерживает рейтинг, наравне с партией либерал-демократов, на уровне 11-12%, а Н. Фарадж остается в ней «серым кардиналом».

ПНСК выступает за свободу торговли, свободный рынок, однако негативно относится в ТПР, опасаясь усиления мощи крупных корпораций (в ущерб, например, государственной системе здравоохранения, в случае Британии) и придания им больших полномочий, чем у национальных парламента и суда.

Партия выступает за введение австралийской балльной системы для иммигрантов, за 5-летний запрет на въезд иммигрантов, не имеющих квалификации. Иммигранты должны иметь медицинскую страховку, получить право на пособия и ПМЖ по истечении 5 лет, в течение которых они должны платить налоги и вносить страховые взносы. Предлагается запретить фиктивные браки и депортировать иностранцев, совершивших преступления в Британии.

Победа Д. Трампа на президентских выборах в США укрепила влияние Н.Фараджа на внутреннюю и внешнюю политику Соединенного Королевства, на развитие «особых отношений» США и Британии. Личные отношения Н.Фараджа и Д.Трампа в силу идейной близости носят тесный характер. С 8 ноября 2016 г. и до инаугурации Д.Трампа Фарадж встретился с ним трижды. Новый президент предложил его кандидатуру в качестве посла Британии в США (последовал отказ со стороны Лондона). Фараджу предложена работа обозревателя на канале «Фох», отмечают его роль неофициального советника нового президента США. По мнению Фараджа, Д.Трамп стремится реформировать НАТО, «переосмысление роли которого не проводили с падения Берлинской стены», и считает необходимым, чтобы члены НАТО вносили 2% ВВП в бюджет организации.

К концу 2017 г. Брюссель и Лондон объявили о существенном прогрессе в переговорах о выходе Великобритании. Договоренности предполагают сохранение прав граждан ЕС, уже проживающих в Великобритании, обеспечение открытой границы между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, сохранение британского взноса в бюджет ЕС на 2019-2020 гг., минимизацию издержек для бизнеса и продолжение взаимодействия в вопросах безопасности. В каждом из этих пунктов потребуются дальнейшая детализация, причем в ряде случаев – преимущественно в том, что касается торгового режима, условий для бизнеса, ирландской границы – эксперты не видят технической возможности, которая

позволила бы Великобритании, выйдя из ЕС, сохранить основные преимущества от членства в нем.

Относительно небольшое время, остающееся до момента выхода из ЕС, укрепляет позиции правительства Т.Мэй, несмотря на постоянные атаки критиков – новые внутренние неурядицы лишь помешали бы Великобритании прийти к приемлемому результату переговоров. Успешная реализация «брекзита» остается основной заботой правительства. При этом британский парламент зарезервировал за собой право принять или отклонить достигнутые результаты переговоров. В последнем случае выход из ЕС, тем не менее, должен будет произойти, но без соблюдения согласованных в ходе переговоров условий. Хотя такой вариант объективно будет более жестким, можно ожидать существенные разногласия в парламенте при решении этого вопроса. Убежденные сторонники «брекзита» уверены, что Лондон справится с любыми трудностями и не настроены предоставлять Брюсселю какие бы то ни было компенсации за выход и за участие в механизмах ЕС.

Для Консервативной партии успех «брекзита» становится экзистенциальной задачей, особенно с учетом усиливающихся из-за неуверенности в будущем страны сепаратистских настроений в Шотландии, Северной Ирландии и даже Уэльсе. Критики уже готовы обвинять ведущую партию в развале государства. В случае серьезных провалов политической ситуацией попытаются воспользоваться лейбористы во главе с Дж.Корбином, которого оппоненты упрекают в чрезмерной левизне и в симпатиях к России.

Нидерланды

Угроза со стороны праворадикальной партии, хотя и менее острая, чем во Франции, была лейтмотивом парламентских выборов в Нидерландах, прошедших в марте 2017 г. В голландской политике, как и во французской, работает механизм «санитарного кордона» вокруг крайне правой партии – Партии свободы – другие ведущие партии, соперничая между собой, стараются минимизировать взаимодействие с ней. Народная партия премьер-министра М.Рютте по результатам выборов сохранила лидирующие позиции, хотя и потеряла 8 мест в парламенте. Партия свободы, напротив, увеличила свое представительство на 5 мест, занимая, таким образом, второе место в рейтинге популярности партий, хотя и со значительным

отставанием от партии Рютте (13,1% против 21,3%). Рютте занимает пост премьер-министра с 2010 г. и избиратели в целом удовлетворены его работой.

Партия свободы, которую возглавляет известный популист Герт Вилдерс, была создана в 2006 г. Предвыборная кампания «Партии свободы» в 2017 г. велась под лозунгом «Нидерланды снова наши». Основной мотив предвыборной программы – борьба с «исламизацией» Нидерландов. Среди пунктов программы – запрет на въезд беженцев и мигрантов, полное закрытие границ страны, отмена действия ранее выданных беженцам разрешений на временное проживание в стране; превентивные аресты радикальных мусульман; закрытие всех мечетей и исламских школ, введение запрета на Коран.

Один из приоритетов программы Вилдерса – ставка на «прямую демократию», сделав результаты референдумов юридически обязательными к исполнению властями. Социально-экономическая часть программы ориентирована на население со средним и низким уровнем доходов и примерно таким же уровнем образования. Основные обещания: снижение налогов (в частности, подоходного налога и налога на транспортные средства – т.е. с ориентировкой не на бизнес, а, скорее, на широкие слои населения); снижение стоимости найма социального жилья; индексация пенсий и снижение пенсионного возраста (который в Нидерландах носит «плавающий» характер и в ближайшие годы будет иметь тенденцию к повышению). Предлагалось повышение расходов на оборону и полицию с компенсацией затрат через сворачивание программ помощи мигрантам и беженцам, а также программ помощи развивающимся странам и по борьбе с изменениями климата, снижение затрат на инновации, культуру и проч.

В общении с гражданами лидер партии Герт Вилдерс пользуется преимущественно Твиттером (что также роднит его с «коллегами» из других стран, в первую очередь с Д.Трампом). Для партии характерны громкие популистские заявления, лаконичный и броский стиль подачи своей позиции.

Внешнеполитические пункты предвыборной программы «Партии Свободы» также носят классические черты радикальных правых сил: это обещание «освободить Нидерланды» и выйти из ЕС, отказ от участия в каких-либо инициативах, ограничивающих свободу Нидерландов принимать самостоятельные решения

(например, ГТИР). Свое отношение к ЕС Вилдерс выразил еще в 2009 г., когда, выиграв национальные выборы в Европарламент, отказался занять свое место там.

В целом позиция Вилдерса полностью укладывается в схему, по которой составлены программы всех его праворадикальных европейских единомышленников. Он постоянно подчеркивает свою принадлежность к «лиге» правых в ЕС и не упускает возможность провести параллель между Брекситом, победой Трампа и своим успехом в Нидерландах. Вилдерс горячо приветствовал избрание Трампа, а также его антииммиграционный закон, принятый в январе. В мировых СМИ его часто называют «голландским Трампом» и подчеркивают даже внешнюю схожесть этих двух политиков. Сам он позиционирует себя как политика, находящегося в авангарде политических перемен, которые, перейдя из англосаксонского мира, вот-вот начнутся во всей Европе.

Австрия

В Австрии президентские выборы прошли в 2016 г. и завершились победой независимого левоцентристского кандидата, бывшего лидера Партии зелёных Александра Ван дер Беллена. Показательно сопоставление результатов, полученных на этих выборах победителем и Норбертом Хофером - кандидатом от правой Австрийской партии свободы (АПС):

Кандидат партия	Александр Ван дер Беллен, «Зелёные»	Норберт Хофер, АПС
Голосов в первом туре	21,3%	35,1%
Голосов во втором туре (результаты опротестованы АПС)	50,3%	49,7%
Голосов в повторном втором туре	53,8%	46,2%

В конце же 2017 г. в Австрии по результатам парламентских выборов было сформировано коалиционное правительство

правоцентристской Народной партии и правой Австрийской партии свободы (АПС). Канцлером стал 31-летний Себастьян Курц – самый молодой глава правительства в Европе, ранее четыре года занимавший пост министра иностранных дел; вице-канцлером – Х.-К.Штрахе, один из лидеров АПС.

В целом Австрийская партия свободы, которая до президентских выборов 2016 года в австрийском массовом сознании была позиционирована как праворадикальная, сейчас уже праворадикальной не воспринимается. Поддержка АПС растет.

В Австрии, маленькой стране, очень заметно размежевание между сельской глубинкой и большими городами. Вена традиционно была социалистической и до сих пор в основном голосует за левый центр, другие крупные города в основном голосуют за две традиционные партии – Социал-демократическую партию Австрии и Народную партию Австрии, в то время как в малых городах и, особенно, в сельской глубинке очень серьезную поддержку получает АПС. Настораживающая тенденция – усиление поддержки АПС в рабочих районах Вены (Йозефштадт) и среди определенной части молодежи, недовольной, в том числе, ситуацией в системе австрийского образования.

Важная особенность Австрии, в рассматриваемом контексте, – политическая система страны остается в большей части неокорпоративистской, с точки зрения представительства интересов. В этой стране членство в политических партиях в целом в 3-4 раза превышает среднеевропейский уровень, поскольку, беспартийному очень сложно пробиться на государственные должности, а государственная бюрократия, государственный аппарат в Австрии дают очень серьезную занятость. Эта черта австрийской политической системы одновременно и тормозит продвижение правых, но и способствует подъему антиэлитных настроений, потому что в рамках большой коалиции и различных коалиционных соглашений принятие решений подменяется бесконечными ссорами и обсуждениями. И здесь в виде альтернативы выступает АПС.

Австрия остается более закрытым обществом, чем большинство европейских стран, и неокорпоративистская система лишь усугубляет ситуацию с мигрантами, которым очень сложно включиться во многие сферы трудовых отношений, особенно на уровне земель.

Распределение постов в новом правительстве означает контроль АПС над силовым и внешнеполитическим блоком. В своей программе АПС отдавала приоритет миграционной проблеме и вопросам обеспечения суверенитета. При том, что коалиционное соглашение обеспечивает определенную сбалансированность повестки правительства, АПС фактически получает мандат на более жесткую миграционную политику.

Значение нового политического расклада может сказаться далеко за пределами Австрии. В Германии внимательно следят за происходящим в Австрии, полагая, что по ряду позиций АПС является более радикальной партией, чем «Альтернатива для Германии», от сотрудничества с которой категорически отказываются ведущие политические силы. В случае если новое австрийское правительство окажется успешным в целом и в решении миграционного вопроса, в частности, может быть разрушен «санитарный кордон» как вокруг АдГ, так и вокруг крайне правых партий в других странах.

Опасаясь такого развития событий, ЕС может проявить повышенное внимание к возможным нарушениям общих для стран Евросоюза принципов в ходе работы австрийского правительства. Подобный прецедент наблюдался в 2000 г., когда участие АПС в формировании правительства Австрии сподвигло ЕС оказать санкционное давление на страну. В нынешнем ЕС, включающем уже не 15, а 28 стран, консенсус по подобному вопросу вряд ли достижим.

Претензии в отношении соблюдения основополагающих норм уже высказываются Брюсселем правительствам Венгрии и Польши. В число подозрительных может войти новое правительство Чехии. Лидеры этих стран, вероятно, не поддержат давления на Австрию, а возможно и сами будут заимствовать элементы австрийской политики.

Северная Европа

Значительные сдвиги в партийно-политической расстановке сил, общественных настроениях происходят в таких благополучных

в экономическом плане странах, как Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия. Сейчас общая электоральная поддержка правопопулистских политических сил в Северной Европе составляет почти $\frac{1}{4}$ избирателей. К тому же нынешние популисты стали солидными, респектабельными, вполне приемлемыми для ряда слоев и категорий избирателей-северян, что было немыслимо еще несколько лет назад.

Партии правопопулистского толка начинают играть все больше роль «запевал» в формулировании нынешней политической повестки. В трех из пяти стран субрегиона (Дании, Норвегии, Финляндии) правые популисты, националисты (датская Народная партия, норвежская Партия прогресса, партия Истинные финны) уже входят в состав действующих правительственных коалиций. Их влияние распространяется и на другие консервативные политические силы, в том числе и внепарламентские

Субрегион является своеобразным полигоном, успешным примером для всей Европы по адаптации, перевариванию местных радикальных правых. Реагируя на популистский запрос масс, партии политического мейнстрима консерваторы/либералы демонстрируют в последнее время завидную тактическую гибкость, толерантность, готовность к компромиссам, способность как интегрировать в свою политическую линию существенные элементы программ, лозунгов, положений правопопулистских партий, так и вовлекать их в практическое (за исключением пока Швеции) парламентское сотрудничество.

Нынешняя волна популизма на Севере Европы (т.н. новый популизм) стала феноменом эволюционного успеха неприкрытых националистов после окончания холодной войны, которые политически удачно сейчас «вышли из тени» (учитывая их негативный опыт 70-80 гг. XX в.), воспользовавшись протестом масс против традиционных политэлит, которые электорат считает равнодушными к его проблемам и неспособными их решить. Даже в самих названиях этих партий прослеживается националистический подтекст, намек на особость наций: если финны, то истинные; если демократы, то шведские; если датская партия, то народная.

Откровенный национализм, правый популизм становится течением, которое в значительной мере само определяет характер изменений политического ландшафта субрегиона. Прошедшие в сентябре 2017 г. парламентские выборы в Норвегии и предстоящие

в 2018 г. выборы в Швеции бросают системным партиям вызов в непростой борьбе за избирателей в условиях роста популярности националистических, протестных, популистских, евроскептических настроений, а также предопределяют сложный выбор своих партнёров в парламентах, правительственных коалициях.

Дания

В Дании по результатам выборов 2015 г. сохраняется правоцентристское правительство, состоящее из представителей партии «Венстре» и возглавляемое ее лидером Л.Л.Расмуссеном. Очередные выборы в стране должны пройти не позднее 2019 г.

Популистская Датская народная партия (ДНП) перехватила ряд лозунгов националистов, выступает за жесткую политику в отношении мигрантов, против популяризации гомосексуализма, легализации усыновления детей однополыми парами, ужесточение наказания за растление малолетних. На парламентских выборах 18 июня 2015 г. ДНП получила 21,1% голосов избирателей и 37 мандатов, добившись второго результата в парламенте (Фолькетинге) страны. На выборах в Европейский парламент в 2014 г. она получила 26,6% голосов от принявших участие, победив Социал-демократическую партию Дании (19,01%) и «Венстре» (16,7%). Системные партии долгое время игнорировали, дискредитировали правых популистов, только в начале XXI в. ДНП стала принимать участие в составе правящих коалиций.

Норвегия

В сентябре 2017 г. в Норвегии состоялись выборы, на которых оппозиция соперничала с правоцентристской коалицией, которая включает Консервативную партию, во главе с Э.Солберг, занимающей пост премьер-министра с 2013 г., Партию прогресса, партию «Венстре» и Христианскую народную партию. Коалиция одержала победу. Однако наибольшее число голосов получила социал-демократическая Норвежская рабочая партия (27,4%).

В Норвегии правые популисты группируются вокруг местной Партии прогресса (ПП). По итогам выборов 2017 г. партия добилась только 15,3 % голосов (в 2013 - 16,4 %, в 2009 было 22,9%, т.е.

сработал эффект Брейвика) и получила 27 мест в Стортинге. Партия пользуется тем, что ксенофобия в норвежском обществе усиливается - в результате того, что на 5,2 млн. человек населения приходится свыше 700 тыс. приезжих. Лидер партии Сив Йенсен предлагает ограничивать свободу всех лиц, не имеющих документов, до установления их личности, и также поступать с получившими отказ просителями убежища, пока они не покинут территорию Норвегии. Хотя результаты ПП незначительно снизились, влияние партии в Стортинге вряд ли уменьшится.

Швеция

Левостороннее правительство С.Лёвена было сформировано в Швеции по результатам выборов, прошедших в октябре 2014 г. Очередные выборы в стране должны состояться в сентябре 2018 г.

В Швеции правопопулистская партия «Шведские демократы» (ПДШ), основанная в 1988 г., вышла из маргинального квазифашистского движения. ПДШ выступает за проведение «ответственной» миграционной политики, существенное сокращение беженцев (в том числе путем их депортации), ограничение возможностей въезда родственников уже находящихся в ней мигрантов. С первых дней своего существования партия постоянно критикует Россию, используя «Полтавский синдром», представляет её извечным агрессором. Эта партия на парламентских выборах 2014 г. уже получила 12,86% голосов и 49 депутатских мест, сейчас вошла в парламент (Риксдаг), став второй по значимости партией страны.

«Шведские демократы» претендуют на ключевую роль при сложившемся равновесии двух блоков (лево- и правостороннего) в Риксдаге. Популярность ПДШ продолжает расти, хотя неприятие её политруководства со стороны обоих блоков создает для неё значительные трудности. Многие эксперты полагают, что роль «Шведских демократов» в партийно-политической структуре страны только усилится, но вряд ли станет доминирующей. Традиционные, системные партии страны предпримут, очевидно, соответствующую коррекцию своего курса, внесут необходимые поправки в свои программы. История повторяется, и сейчас традиционные партии Швеции пытаются как-то изолировать ПДШ

(как это делали в прошлом в Дании и Норвегии), заклеив её как «неполиткорректную», «нерукопожатную», отказываются с ней сотрудничать. Однако подобный политбойкот будет, очевидно, непродолжительным. А лидеры ПДШ и дальше намерены успешно эксплуатировать образ гонимых истеблишментом борцов за правду. В руководстве ведущей правоцентристской «Умеренной коалиционной партии» уже наметились сдвиги к налаживанию практического сотрудничества с ПДШ, раздаются заявления о возможном её привлечении в будущую коалицию после очередных парламентских выборов в 2018 г.

Финляндия

Центрист Ю.Сипиля возглавляет коалиционное правительство Финляндии с участием правоцентристов и националистов с мая 2015 г. Очередные выборы в стране ожидаются весной 2019 г.

В Финляндии к правопопулистскому, националистическому флангу относится партия «Истинные финны» (ПИФ), основанная в 1995 г. после того, как распалась «Финская аграрная партия». ПИФ в 2014 г. уже получила солидное третье место с 12,9% голосов избирателей и 2 мандата в Европарламенте. После парламентских выборов 2015 г. (37 из 200 мест) она – вторая в Эдускунте (парламенте), а в коалиционном правительстве получила 4 портфеля. Лидеры партии - Тимо Сойни и Юсси Ниинистё стали, соответственно, министром иностранных дел и министром обороны. ПИФ риторически достаточно критически относится к Европейскому союзу, хотя и сотрудничает в практическом плане с ним. Ее руководство требует, порой, большей автономии национальных решений от Брюсселя, заявляет, что беженцы повышают уровень угрозы исламского терроризма, скептически относится к шведскому нацменьшинству (в основном на Аландских островах), которое в прошлом традиционно составляло элиту страны.

Помимо правых популистов, евроскептиков, объединенных в ПИФ, в Суоми существует широкая гражданская инициатива о выходе Финляндии из еврозоны.

Южная Европа

Италия

В декабре 2016 г. в Италии состоялся референдум о поправках в конституцию, которые должны были способствовать повышению устойчивости итальянской политической системы. Референдум завершился неудачей для инициировавшего его правительства М.Ренци, в результате объявившего о своей отставке. С этого момента Италия остается под угрозой досрочных выборов, действующее правительство П.Джентилони фактически рассматривается как временное. Выборы должны состояться не позднее мая 2018 г.

Данные опросов предполагают, что левоцентристской Демократической партии М.Ренци предстоит жесткое соперничество с популистским движением «Пять звезд», а также партией С.Берлускони «Вперед, Италия!» и её союзниками.

В 2017 г. в итальянское выборное законодательство вносились существенные изменения, поддержанные Демократической партией, «Вперед, Италия!» и «Лигой севера», но критически встреченные движением «Пять звезд». Проведенная реформа свидетельствует о неудовлетворенности части политической элиты Италии низкой стабильностью и неэффективностью принимавшихся ранее выборных систем. Критики, однако, сомневаются и в достоинствах новой системы.

В Италии к радикальным правым относятся две партии, представленные в парламенте: Лига Севера (сформирована в 1989 – 1991 гг.), лидер – Маттео Сальвини и Итальянские братья (создана в 2012 г.), лидер – Джорджа Мелони. Справа от них есть маргинальные неонацистские группировки, с которыми они поддерживают контакт.

Главной целью этих партий, выступающих в тандеме, является формирование «нового правого центра», альтернативного как правящей Демократической партии, так и влиятельному «Движению пяти звезд», и продвижение во власть на досрочных парламентских выборах. Лидерство объединенного правого центра определится на праймериз. Общий лозунг выдвинула Дж.Мелони - «Суверенная Италия».

Итальянские радикальные правые выступают за выход Италии из зоны евро и прекращение нелегальной иммиграции, одобряют Брекзит, выступают за пересмотр роли НАТО, который «никого не защищает». М.Сальвини восхищается Трампом как «лидером антисистемы, способным смести истеблишмент и победить против всех», считает, что избрание Трампа – «это удар по глобализации. Это реванш народа, мужества, гордости, темы труда и безопасности».

Призывая к скорейшим досрочным выборам, радикальные правые стремятся развить успех, достигнутый оппозицией на конституционном референдуме 4 декабря 2016 г., который привел к поражению Демократической партии и отставке премьер-министра М.Ренци. Ситуация, однако, не обещает им легкого продвижения – электоральная база обеих партий сосредоточена на Севере и очень слаба на Юге. Радикальные правые могут достичь своих целей двояким путем:

- Вступив в коалицию с умеренным правым центром – партией С.Берлускони «Вперёд, Италия» для достижения электорального большинства. Здесь есть, однако, ряд препятствий: Берлускони вряд ли согласится уступить Сальвини роль лидера правого центра, к которой тот горячо стремится; Берлускони позиционирует себя как европеист, что идет вразрез с требованием радикальных правых вывести Италию из еврозоны; Берлускони пока поражен в избирательных правах (вопрос решается в Страсбурге) и снова находится под следствием (по обвинению в подкупе свидетелей по «делу Руби»).

Заклучив тактическое парламентское соглашение (после выборов) с «Движением пяти звезд», которое разделяет два основных пункта программы правых: выведение Италии из еврозоны и изменение миграционной политики. Над этим сценарием, по слухам, уже работают эксперты ДПЗ, хотя публично оба популистских лагеря, объявляющие себя антагонистами, отвергают возможность совместных действий.

Угроза триумфа популистов из движения «Пять звезд» по аналогии с другими странами Запада увязывается в ряде СМИ с российским вопросом. Утверждение о вмешательстве России в выборы на стороне деструктивных сил экстраполируется на Италию. С учетом сложившихся в освещении российской тематики тенденций можно ожидать появления подобных измышлений даже

при полном отсутствии подтверждающего фактического материала. При этом взаимодействие действующего итальянского правительства П.Джентилони с Россией развивается в устраивающем обе стороны прагматичном ключе и также не дает оснований для логики «вмешательства».

При значимости парламентских выборов следует учитывать, что Италия остается страной сильных регионов и муниципалитетов, что зачастую обеспечивает требуемое качество государственного управления на местах, но не добавляет стране существенного политического веса на европейской и международной арене. В ЕС эта специфика до настоящего времени компенсировалась общей синхронностью стратегического направления развития ЕС и политических настроений в Италии. Победа популистов, в частности известных критикой евро, может разрушить эту синхронность.

Испания

В Испании по результатам выборов июня 2016 г. действовавшее с 2011 г. правоцентристское правительство М.Рахоя оказалось в неустойчивом положении, а политическая система в целом не смогла выйти из длительного кризисного состояния. Пиком внутривнутриполитического кризиса в 2017 г. стал всплеск каталонского сепаратизма, когда по результатам прошедшего в октябре и непризнанного Мадридом референдума региональным правительством К.Пучдемона была провозглашена независимость.

Обоснованно опасаясь судебного преследования Пучдемон скрылся от испанских властей в Бельгии, а регион, несмотря на прозвучавшую декларацию, признал легитимность объявленных центральным правительством Испании выборов в Каталонии. Эта последовательность событий позволяет говорить, что идея каталонской независимости хотя и имеет своих ярких сторонников, тем не менее не получает решающего преимущества. Существенная часть жителей региона, скорее, не хочет потерять преимущества пребывания в более крупном государстве, равно как и опасается сопутствующей гипотетической независимости нестабильности.

Как и в других случаях проявления сепаратистских настроений в странах-членах ЕС, Брюссель оказывается в сложном

положении с ограниченным набором инструментов влияния на ситуацию. Структуры ЕС могут призвать к отказу от насилия и к соблюдению законодательства, которое в испанском случае фактически исключает возможность легального успеха сепаратистов. Но, в конечном счете, позиция ЕС формируется с обязательным учетом мнения центрального правительства страны-члена. Наиболее заметные сепаратистские движения при этом не являются евроскептическими и предполагают членство новых независимых государств в Евросоюзе. Опять же, для успеха такого курса потребовалось бы согласие центрального правительства страны, от которого отделяется регион. Иными словами, ЕС подталкивает крупнейшие регионы к обязательному поиску неконфликтных решений существующих противоречий с центральным правительством. Несмотря на провал инициативы сепаратистов тема сбалансированности регионального развития остается для Испании одной из важнейших.

В силу исторических причин (отрицание франкистского авторитарного прошлого) и преобладания центристских и левых настроений в политической культуре правые радикальные партии в Испании разобщены и занимают маргинальные позиции в политическом процессе. Им не удается преодолеть заградительный барьер на выборах в национальный и региональные парламенты (3% и 3-5%, соответственно). Удел большинства из них вплоть до последнего времени – места одного-двух советников в местных органах власти по итогам муниципальных выборов в малых городах (до 1000 жителей). В таких муниципалитетах число советников может достигать до 7, а значит правые радикалы не могут рассчитывать получить пост мэра (алькальда), которого выбирают муниципальные советники.

Есть в Испании «старые», традиционные (со времен франкизма и военно-монархической диктатуры Примо де Ривера) правые радикальные партии (например, «Испанская Фаланга и ХОНС», исповедующая идеологию национал-синдикализма). Но большинство подобных партий – новые, созданы в начале 2000-х годов в новых исторических условиях европейской интеграции, глобализации, международной миграции, глобальных финансово-экономических кризисов.

Их активность растет в годы нынешнего экономического кризиса, который Испания переживала и продолжает переживать

очень тяжело (безработица продолжает иметь драматический характер – уже не 26, но 18,63% трудоспособного населения). Свою роль в этом плане играет угроза сепаратизма в Испании (многие партии действуют в автономных сообществах, где сильны региональные националисты, – в Каталонии, Валенсии, Наварре). Фактор инокультурной миграции также играет свою роль, особенно в сообществах Мадрид, Каталония, Наварра, Валенсия, куда в основном направляются мигранты в поисках рабочих мест, более высоких зарплат и социальных пособий. В Испании проживают, по оценкам экспертов, 2 млн. мусульман, всего же иммигрантов около 10% от общей численности населения (раньше было более 12%, но в связи с кризисом некоторые уехали в другие страны ЕС или вернулись домой).

Так, партия «Испания 2000» последовательно укрепляет свои позиции на муниципальных выборах не только в Валенсии, но и в автономном сообществе Мадрид (в городе Алькала-де-Энарес с населением 200 тыс. чел). «Правым Наварры и Испании» удалось получить место мэра маленького городка (500 чел.) в Наварре. «Платформа за Каталонию» на муниципальных выборах в 2007 г. получила места 17 советников, а в 2011 г. – уже 67, укрепляет (пусть и незначительно) свою поддержку избирателями на общенациональных выборах, высказывает планы объявить себя общенациональной партией, сформировать общенациональный избирательный блок.

Образец и пример для большинства правых радикальных партий Испании – Народный фронт Франции. Электоральные лозунги испанских партий идентичны лозунгам Народного фронта: например, «Безработица+иммиграция=преступление» (партия «Национальная демократия»), «Никто, кроме испанцев» (партия «Испания 2000»). Защищая традиционные ценности единой и неделимой Испании, правые радикалы пропагандируют идеи анти-сепаратизма, испанского национализма прошлого, евроскептицизма, ксенофобии и расизма. В некоторых партиях присутствуют идеи испанского католицизма («Испанское Католическое движение») и даже неонацизма («Национальный Альянс»).

Правые радикалы находят поддержку среди старшего поколения, лиц без высшего образования, относительно бедных.

Греция

Несмотря на тяжелейшее экономическое положение, сложные переговоры с институтами ЕС и опасения многих наблюдателей, в Греции с 2015 г. у власти удерживается левопопулистское правительство А.Ципраса. Популярность его левой партии «СИРИЗА» неуклонно снижается в отсутствие позитивных экономических результатов. Вероятность прихода к власти на следующих выборах представителя правоцентристской «Новой демократии» представляется достаточно высокой.

В условиях продолжающегося экономического кризиса в Греции произошла резкая активизация радикальных правых сил, которые в 1990-е – 2000-е гг., несмотря на некоторые локальные успехи, оставались на обочине политического процесса. Этот процесс был обусловлен разочарованием подавляющей части населения в социал-демократах (партия ПАСОК), которые долгое время доминировали в парламенте и правительстве, недовольством результатами европейской интеграции, усилившимися антииммигрантскими настроениями. С 2012 г. в стенах парламента правые радикалы имеют весьма широкое представительство.

Во-первых, это ультранационалистическая партия «Золотая заря» (лидер – Николаос Михалолиакос), которая часто оценивается как неонацистская или неонацистская (и на это есть веские основания). За неё на последних выборах (сентябрь 2015 г.) проголосовало 7% избирателей, что позволило ей получить третью по количеству мест в парламенте депутатскую фракцию.

Во-вторых, это право-популистская партия «Независимые греки» (3,7% голосов), основной костяк которой составили бывшие члены правоцентристской партии «Новая демократия». Сейчас «Независимые греки» входят в правящую коалицию на правах младшего партнёра левой партии «СИРИЗА». Ее лидер - Панос Камменос возглавляет Министерство обороны.

В-третьих, это так называемое националистическое крыло самой «Новой демократии», то есть политики, ранее состоявшие в ультраправых маргинальных организациях, которые в начале 2010-х гг. были кооптированы в партию для того, чтобы привлечь радикально настроенных избирателей. Один из таких политиков, Адонис Георгиадис, в 2013–2014 гг. был министром

здравоохранения страны, а в 2015 г. выдвигался на пост главы «Новой демократии» (правда, неудачно).

Хотя все три вышеперечисленные силы могут быть отнесены к праворадикальному флангу, между ними существуют значимые различия. «Золотая заря» – это политическая пария, с которой ни одна другая партия не согласна сотрудничать ни при каких обстоятельствах. В отношении многих её членов заведены уголовные дела. «Независимые греки» и националистическое крыло «Новой демократии» – это сейчас часть политического истеблишмента, их представители занимают или занимали важные должности в органах исполнительной власти. Следствием этого является постепенно смягчение позиций этих партий по целому ряду вопросов, их дрейф в сторону центра.

Радикальные правые силы разделяют традиционные ценности: это сохранение греческой национальной идентичности, основанной на крепкой семье, большой роли православной церкви в жизни общества и государства, поддержании традиций и обычаев. Все они ратуют за сильное государство, способное оградить страну от внешних вызовов. Главное отличие «Золотой зари» в том, что она не рассматривает в качестве таких ценностей демократию, идеалом для этой партии служат авторитарные режимы – «черные полковники», режим Иоанниса Метаксаса и пр.

Антиглобализм характерен для всех греческих правых радикалов. Глобализация воспринимается как угроза существованию национальных государств и православной вере. Самую жесткую позицию занимает «Золотая заря», которая называет глобализацию происками мирового сионизма. Заявления «Независимых греков» намного сдержаннее, особенно после их вхождения в правящую коалицию. Главной проблемой они считают не глобализацию, а неолиберализм (или «меркелизм»), который ведёт к процветанию одних стран за счёт интересов других. «Золотая заря» выступает против Трансатлантического партнёрства, доказывая в Европарламенте, что оно обернётся многомиллиардными убытками для всех стран. «Независимые греки» и «Новая демократия» не выступают против ТПР как такового, но готовы поддерживать его лишь в том случае, если в полной мере будут учтены интересы греческих производителей (главное беспокойство вызывает защита греческих торговых марок, вроде сыра «Фета»).

Для всех праворадикальных партий характерно понимание нации как этноса и, соответственно, негативное отношение к мигрантам. Все они выступают за сохранение жесткого миграционного законодательства. «Золотая заря» обещает в случае своего прихода к власти немедленно очистить страну от нелегалов. Члены партии допускают откровенно ксенофобские заявления в отношении представителей других народов, в особенности – турок и евреев. Наличие турецкого национального меньшинства в Греции ими отрицается (признается лишь проживание греков-мусульман). «Независимые греки» в начале миграционного кризиса пытались шантажировать другие страны ЕС, угрожая выслать всех нелегальных мигрантов из Греции, тем самым наводнив ими всю Европу. Однако после закрытия Македонией границы с Грецией эта партия была вынуждена умерить риторику и действовать в рамках возможного.

«Золотая заря» заявляла о том, что Трамп обязательно победит, еще тогда, когда его рейтинг был ниже рейтинга Клинтон, приветствовала его победу и с большим энтузиазмом восприняла указ Трампа о миграционных ограничениях. Ультранационалисты надеются, что благодаря ему произойдет резкое ужесточение миграционной политики во всех странах Запада. «Независимые греки» также высказывались в отношении Трампа в комплиментарных тонах. Деятели этой партии могут сыграть значимую роль в налаживании связей между правительствами Греции и США через представителей американской администрации греческого происхождения.

Все праворадикальные политики, даже члены «Золотой зари», признают, что Греция должна оставаться членом НАТО. В то же время, Альянс часто критикуется (особенно «Золотой зарей») за то, что он в недостаточной мере гарантирует безопасность Греции. В связи с этим правые радикалы считают целесообразным усилить сотрудничество в военной сфере с другими странами, включая Россию.

Страны Центрально-Восточной Европы: «европейские отказники» или альтернативный «восточный блок»?

Основные тренды в изменении «политического пейзажа» в Западной Европе наблюдаются и в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), причем, как правило, более рельефно и значимо. В этом смысле регион ЦВЕ, включающий 16 стран (11 членов и 5 кандидатов в члены Евросоюза), становится все более активным фактором динамики всего европейского интеграционного процесса.

Основную роль играют страны ЦВЕ-члены ЕС (на которые приходится 85% населения и более 90% ВВП региона), а среди них – страны Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), где сконцентрированы свыше 60% общего населения и ВВП стран ЦВЕ-участниц ЕС. Они также являются наиболее политически организованной группой стран ЦВЕ, пытающейся координировать формулирование и продвижение групповых интересов в рамках ЕС. Чтобы предотвратить «размывание» и снижение эффективности своего сотрудничества, «четверка» отказывается принимать новых членов, сотрудничая с другими странами ЕС по представляющим общий интерес вопросам в формате «4+1» (например, с Австрией и Словенией).

«Вишеградцы» по сути претендуют на представительство коренных интересов региона ЦВЕ на уровне руководства ЕС и стран его «интеграционного ядра» (Германии и Франции). Причем в последние годы Брюссель, Берлин и Париж фактически уже рассматривают «вишеградцев» как главных представителей ЦВЕ при выработке и реализации стратегии развития Евросоюза.

Роль остальных стран ЦВЕ-членов ЕС - трех государств Балтии, двух Восточных Балкан (Болгарии и Румынии) и двух Западных Балкан (Словении и Хорватии) – заметно слабее. Еще менее значимы для экономических и политических процессов в Европе пять западно-балканских кандидатов на членство в ЕС (Албания, Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина).

Тем не менее, основные тенденции в «политической реструктуризации» схожи практически во всех группах стран

региона ЦВЕ, что превращает их в действенный фактор общеевропейского развития.

Страны ЦВЕ - члены ЕС

Первая тенденция – изменение общественных настроений в странах ЦВЕ. У значительной части их населения сохраняются (иногда и усиливаются) ощущения «граждан второго сорта» по сравнению с жителями Западной Европы (эти ощущения еще не изжиты даже бывшими гражданами ГДР, давно и достаточно успешно интегрированными в общество объединенной Германии).

Многие граждане стран ЦВЕ убеждены в несправедливости в распределении благ (в т.ч. из фондов ЕС, например, в рамках общих аграрной и социальной политики). Они считают, что Брюссель «навязывает» им «наднациональные» общественно - ценностные и религиозные стандарты, а также «заставляет» их принимать цивилизационно-чуждых мигрантов (особенно из исламских стран). Им представляется недостаточной роль своих государств в защите национальной идентичности, традиционных ценностей и социально-экономических интересов граждан. Сказывается и восприятие частью общества интеграции в рамках ЕС как средства «захвата» капиталом западных стран-членов ключевых позиций в экономике и СМИ стран ЦВЕ, недовольство «германо - французским эгоизмом», игнорирующим национальные интересы «новых» стран ЕС.

Все это создает базу для более широкого, чем в западных странах, распространения ксенофобских и радикально-националистических настроений, которые ранее сдерживались стремлением вступить в ЕС и завышенными ожиданиями от такого вступления.

Показателен здесь, например, «Индекс спроса на правый экстремизм» (Demand for Right-Wing Extremism Index - DEREKX), рассчитываемый по данным Европейского социального обзора (European Social Survey - ESS) и фиксирующий долю населения, восприимчивого к крайне-правым идеологиям и политическим действиям. С 2009 г. до конца 2016 г. этот индекс существенно вырос, отражая явное усиление ксенофобских и анти-европейских настроений, прежде всего в странах ЦВЕ. Субиндекс, характеризующий предубеждения и шовинизм (прежде всего, в связи с усилением миграции из исламских стран и активности

местных ЛГБТ сообществ), превысил показатель ФРГ (наиболее толерантной из ведущих стран ЕС) по странам Вышеградской группы в 2,3-5,4 раза, странам Балтии – в 3,7 - 3,9 раза, Болгарии – в 2,8 и даже достаточно благополучной Словении – в 2,4 раза. Субиндекс, отражающий настроения против наднациональных институтов ЕС, был выше, чем в Германии, соответственно, в 1,8-3,3 раза; 1,5-2,2; 4,6 и 3,5 раза. Во многом схожи со странами Вышеграда общественные настроения в Австрии, где эти субиндексы выше, чем в ФРГ, соответственно в 2,2 и 1,7 раза.

Тем не менее, жизненные перспективы (особенно для будущих поколений) респонденты из стран ЦВЕ преимущественно связывают с улучшением позиционирования в рамках ЕС, а не с выходом из сообщества.

Согласно опубликованному в ноябре 2017 г. опросу Евробарометра о будущем Европы² при средней по ЕС-28 доле счастливых жить в Евросоюзе 78%, среди «вишеградцев» таких было 78% в Словакии, а в часто критикующей ЕС Польше даже 83%. В странах Балтии их насчитывалось 79-85%, Словении - 85%. Ниже среднего были показатели в относительно бедных Болгарии и Румынии – 62-65%, и традиционно евроскептических Венгрии и Чехии (57-58%). Еще лучше оценивают жители стран ЦВЕ предлагаемые Евросоюзом перспективы для молодежи. При средней по ЕС-28 позитивной оценке в 66% среди «вишеградцев» она составила 74-80% (кроме Чехии с показателем 64%), в странах Балтии – 80-83%, Болгарии и Румынии – 72-75%, Словении – 67% и Хорватии – 78%. Близка по уровню евроскептизма к Венгрии и Чехии соседняя Австрия с субиндексами, соответственно, 76% и 63%.

Власти стран ЦВЕ, учитывая (а не редко и стимулируя) эти настроения, опираются на них в проведении внутренней и, частично, внешней политики и во «внутриевропейских» отношениях с Брюсселем, Берлином и Парижем. Они пытаются ресуверенизировать эту политику в желаемых областях функционирования Евросоюза. В этом – коренное отличие курса нынешних политических элит стран ЦВЕ от линии их политических

² *Future of Europe. Social Issues. Report. Special Eurobarometer 467, 2017, 79 p.*
Available at: http://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2179_88_1_467_ENG
(accessed 6.11.2017)

лидеров на этапах подготовки к вступлению в ЕС, когда они старались «вписаться» в его систему. Ранее акцент делался на адаптации национальных государств к общим правилам и механизмам ЕС, теперь – на сохранении и даже усилении самостоятельности этих государств в экономике, политике, правовой системе и идеологии. Все это - на фоне фактического ослабления гармонизации и наднационального регулирования в этих областях. Прежнюю схему «ученик-учитель» в отношениях со «старыми» странами ЕС страны ЦВЕ хотели бы заменить на «партнерство равных», причем сохраняющее для них преимущества членства в ЕС при минимизации обязательств.

Определенные основания для такого реформирования взаимоотношений имеются, как в экономической, так и в общественно-политической сфере.

По опубликованному в ноябре 2017 г. стандартному опросу Евробарометра, экономическое состояние своей страны считали хорошим 68% чехов, 62% поляков, 50% венгров и 59% эстонцев при среднем по ЕС уровне всего 48%. Хуже среднего были показатели Болгарии, Румынии, Хорватии, Латвии и Литвы – государств ЦВЕ, наиболее бедных или страдающих от эмиграции в западные страны ЕС. Индекс уровня демократии, оцениваемого американской НПО Freedom House по уровню гражданских свобод и политических прав в стране (при всей его условности и предвзятости), в 2017 г. в Польше, Словакии и Чехии составлял 85-93 балла, странах Балтии, Словении и Хорватии – 86-94 балла, Болгарии и Румынии – 80-84 балла и лишь в постоянно критикуемой за авторитаризм Венгрии – 72 балла. По этому «показателю свободы» многие страны ЦВЕ были близки к лидерам ЕС (90-94 балла у Франции и ФРГ) и опережали США (86 баллов).

При этом уровень экономического благополучия практически коррелирует с уровнем евроскептицизма.

Совместное исследование социологов вишеградских стран (август 2017 г.) показало, что в наиболее благополучной Чехии членство в ЕС поддерживали лишь 56% респондентов, против 74% в Словакии, 82% в Венгрии и 88% в Польше (в отличие от позиции ее евроскептического правительства). За приоритет национальных интересов даже в ущерб общим интересам ЕС высказались 66% чехов, 64% словаков, 55% венгров и лишь 43% поляков. Эти настроения были усугублены негативным отношением к

навязываемому Брюсселем размещению в их странах неевропейских мигрантов, которых центральноевропейцы рассматривают как финансово обременительных и общественно опасных «социальных туристов».

Правда, экономические успехи стран ЦВЕ во многом определялись чистыми трансферами из бюджета ЕС (в 2014-2020 гг. 1,9%- 4,0% ВВП Вишеградских стран и 2,5-4,4% ВВП стран Балтии), покрывавшимися, прежде всего, донорством ФРГ, Франции и Великобритании, и другими преимуществами единого экономического пространства Евросоюза, а демократически-правовые успехи – принятием принципов и законодательства ЕС.

По мере экономического и политического укрепления стран ЦВЕ их поддержка со стороны ЕС будет сокращаться. После 2020 г. трансферы из фондов ЕС могут снизиться на 15-30% (а с учетом «брекзита» – и на 40%). Более того, ряд стран ЦВЕ (например, Польша), вообще могут превратиться в потенциальных чистых доноров бюджета ЕС. Поэтому их правительства начинают думать о подготовке к «плохим временам». При этом в экономике они видят выход в «экономическом патриотизме», т.е. в сохранении (и укреплении) нынешних, льготных по отношению к западным странам ЕС систем регулирования рынка труда, сферы бюджета, налогов, социального обеспечения, экологических и энергетических стандартов и др. В политике – в противодействии дальнейшей федерализации ЕС и попытке реанимировать идею децентрализованной «Европы отечеств» с ограниченными наднациональными компетенциями и акцентом не на имплементацию общих норм ЕС, а большую свободу стран в принятии собственных законов, регулирующих судебно-правовую, информационную, миграционную и другие сферы. Последовательная реализация такого подхода может создать угрозу «выпадения» соответствующих стран ЦВЕ из процесса европейской интеграции, как его видят в Брюсселе, Берлине и Париже.

Страны ЦВЕ – члены ЕС поддержали заложенную в Римской декларации (март 2017 г.) стратегию нового «посткризисного» этапа европейской интеграции на основе единого подхода к постановке и решению общих стратегических задач в условиях беспрецедентного сочетания глобальных и региональных вызовов (региональных конфликтов, терроризма, растущего миграционного давления, протекционизма, социального и экономического неравенства). В то

же время они обусловили эту поддержку реальным повышением своей роли и сохранением национального суверенитета в принятии важнейших общих решений. Поэтому страны ЦВЕ в большинстве выступили против продвигаемых Францией, Германией и рядом других «старых» стран инициатив по федерализации ЕС, ускоренному расширению Еврозоны и трансформации ее в финансовый блок со своим бюджетом и министерством финансов. Они также выступают против перехода к «двухскоростной» интеграции, оставляющей на экономической и политической периферии не вошедшие в Еврозону страны.

Ряд мер институтов на уровне ЕС по сути подтверждают обвинения в применении к странам ЦВЕ «двойных стандартов». Так, Суд ЕС отказал Венгрии и Словакии в иске против решения Еврокомиссии по обязательному размещению в них части мигрантов из Греции и Италии, но принял иск Еврокомиссии против Венгрии, Польши и Чехии за отказ от такого размещения (чреватый лишением этих стран субсидий ЕС на 12 млрд. евро). При этом не учитывается ни позиция Д.Туска, считающего систему перераспределения мигрантов неэффективной, ни готовность этих трех стран участвовать в возглавляемой Италией программе по прекращению миграции в Европу через Ливию. Тем временем также не принимающую мигрантов Данию наказывать не планируют. Власти ЕС почти демонстративно отказали странам ЦВЕ в переводе в них агентств Евросоюза из Британии. Страны ЦВЕ подписали (в отличие от Дании и Мальты) программу постоянного структурированного военного сотрудничества (PESCO), открывающую путь к созданию военного союза ЕС, но будут контролировать лишь 3 из ее 17 проектов.

Недовольство стран ЦВЕ (особенно Польши) вызывает и инициатива Э.Макрона по унификации трудовых договоров, снижающая конкурентоспособность работников из новых стран ЕС на рынках труда старых стран-членов. В более бедных Болгарии и Румынии также нарастает недовольство политикой Брюсселя, прежде всего в связи с замораживанием части субсидий из бюджета ЕС и очередным переносом (пока на 2018 г.) принятия их в Шенгенскую зону из-за невыполнения задач по борьбе с коррупцией. Болгария (где членство в ЕС поддерживают 62% граждан) также выступает за замену перераспределения мигрантов усилением защиты от них внешних границ ЕС.

На этом фоне участились случаи фактического (например, в сфере энергетики, экологии, вступления в еврозону и др.) и формального (прежде всего, в сфере общей миграционной политики) отказа правительств стран ЦВЕ полностью выполнять решения, принятые на уровне ЕС. Даже наиболее лояльные к наднациональным институтам страны Балтии к началу 2018 г. выполнили намеченные для них квоты перераспределения беженцев лишь на 32%-65%, причем 50%-70% принятых уже переехали в старые страны ЕС. Словакия и Чехия выполнили эти квоты всего на 1,0%-1,2%. Польша не приняла ни одного из 6200 мигрантов по квоте, ссылаясь на то, что в ней уже находятся 1,5 млн. граждан Украины. При том, что статус беженца имеют лишь 327 украинцев, а остальные – обычные трудовые мигранты, которые не сокращают, а пополняют польский госбюджет.

И все же страны ЦВЕ (может быть, кроме Польши) реально представляют себе «предел смелости» в отношениях с ЕС. Даже наиболее упорный «миграционный отказник» - Венгрия – в 2017 г. приняла около 1300 мигрантов, правда, не уточнив относятся ли они к установленной ЕС квоте. Венгрия по сути поддержала предложенный Эстонией компромиссный вариант миграционной политики без обязательных квот и с учетом национальных требований к потенциальным мигрантам. Достаточно осторожны страны ЦВЕ и во внешней политике. Так, в декабре 2017 г. три вишеградских страны (Венгрия, Польша и Чехия), а также Латвия, Румыния и Хорватия, воздержались при голосовании в Генассамблее ООН резолюции, осуждающей США за признание Иерусалима столицей Израиля, формально не нарушив, но фактически не поддержав, официальную позицию Брюсселя.

Претензии стран ЦВЕ на большую самостоятельность при несговорчивости традиционных лидеров Евросоюза – Франции и ФРГ – создают реальные риски раскола в ЕС. Пиком расхождений новых и старых стран стало предложение Еврокомиссии (декабрь 2017 г.) о применении к Польше (после неоднократных предупреждений) санкций за «нарушение ценностей ЕС», вплоть до приостановления прав (в т.ч. права голоса в Совете ЕС) и выплат из бюджета ЕС. Решение о начале процесса принимается единогласно Европейским советом после одобрения Европарламентом. В 2018 г., если Польша не откажется от законов, подрывающих независимость судов и СМИ, главы и европарламентарии стран ЦВЕ должны будут

выбирать: формально – между лояльностью к институтам ЕС и региональной солидарностью, но по сути – между курсами на федерацию «Соединенных Штатов Европы» или на конфедерацию суверенных государств, объединенных по сути лишь общим рынком.

Причем, вероятнее всего, этот выбор будет не в пользу Польши. Премьер Словакии, единственной среди вишеградцев страны еврозоны, Р.Фицо прямо заявил: «Основы моей политики – близость к ядру ЕС, Франции и Германии. Я очень заинтересован в региональном сотрудничестве в рамках Вишеградской четверки, но жизненный интерес Словакии – это Евросоюз». Декларативно безоговорочно поддерживая Польшу, венгерский премьер В.Орбан воздерживается от формальных обещаний «заветировать» антипольское решение Евросовета. Менее связанные с Польшей страны Балтии, Болгария, Румыния, Словения и Хорватия постоянно подтверждают свою лояльность Евросоюзу.

Наиболее вероятной стратегией руководства ЕС в среднесрочной перспективе будет принятие «смягченного варианта» радикальных предложений Э.Макрона, включая фактический переход к «двухскоростной евроинтеграции». Она может быть оформлена как более комплексный вариант предусмотренного правом ЕС «продвинутого сотрудничества» старых стран с максимальным привлечением лояльных и экономически готовых стран ЦВЕ. «Структура “ядра и периферии” может создаваться без реформы основополагающих договоров, путем серии не связанных друг с другом решений, что уменьшит шансы мобилизации ее противников»³. Причем без случавшегося в прошлом неоправданного «политизированного ускорения» процесса интеграции.

Такому ходу событий может способствовать совместная работа новых и старых стран-членов над бюджетом ЕС на 2021-2028 гг. На самом важном стартовом ее этапе, в 2018 г. и в первой половине 2019 г., в ЕС будет председательствовать «центральноевропейское трио» Эстонии, Болгарии, Румынии и во многом солидаризирующаяся с ЦВЕ Австрия. Это может повлиять

³ Кавешников Н. Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации. // Мировая экономика и международные отношения, т. 61, № 5, 2017, с. 22.

на определение политики Евросоюза с учетом интересов и возможностей стран ЦВЕ. Высказываемые некоторыми экспертами и даже политиками опасения относительно формирования в регионе ЦВЕ альтернативного западной части Евросоюза «Восточного блока» вряд ли имеют практическую перспективу в силу тесной экономической и политической взаимозависимости стран ЕС, являющейся гарантией их выживания и развития в современном мире.

В этих условиях нельзя исключать, что отказ Польши от компромисса с Еврокомиссией, в конечном счете, может привести к выходу страны из ЕС, причем на худших условиях, чем для Британии. В декабре 2017 г. это с грустью отметил Президент Европейского совета, бывший премьер Польши Д.Туск: «Я могу легко представить себе ситуацию, когда однажды Польша окажется в числе кредиторов ЕС, и правительство Польши решит, что пришло время спросить граждан, хотят ли они, чтобы Польша продолжала оставаться в ЕС. А затем власти приложат все усилия, чтобы убедить поляков в том, что с членством в ЕС пора распрощаться. В Брюсселе по-прежнему очень надеются – я не говорю верят, потому что доверие, к сожалению, уже пропало, - что Польша, тем не менее, останется в ЕС».

Авторитарные, право-националистические и популистские тенденции обозначились в странах ЦВЕ раньше, чем в старых странах-членах ЕС. Это связано с довоенной историей и политическими особенностями центральноевропейских стран, а также с послевоенным функционированием их в рамках руководимой СССР социалистической системы. Нынешнее «поправение» и «популистский уклон» в Западной Европе оживили и усилили эти традиционные для Восточной Европы «болезни».

На этом фоне усилились позиции консервативно-националистических политических сил. В экономике они опираются на госсектор и «приближенные» к правительству частные компании, дающие в обмен на привилегированное положение средства на некоторые социальные льготы населению (выплаты на всех детей, начиная со второго и снижение пенсионного возраста в Польше и др.). В политике – на умело поддерживаемый имидж борцов за традиционные национальные цивилизационно-религиозные ценности против финансового и космополитического диктата Брюсселя. Причем право-националистические (в т.ч. крайне правые

партии) в странах ЦВЕ играют более важную роль в политической системе, чем в большинстве старых стран ЕС.

Модельной в этом плане является Венгрия. Там ныне правящая партия «Фидес» (почти 69% мест в парламенте по итогам выборов 2014 г.) трансформировалась из исходно либерально–демократической, прорыночной и проевросовской в правую евроскептическую партию авторитарного типа. В ней основные решения по сути зависят от лидера – В.Орбана, а идеология становится все более националистической и популистской. При этом главной оппозиционной силой являются не партии центристского и левоцентристского толка, а еще более националистическая и даже ксенофобская партия «Йоббик». Правда, в последнее время она сдвигалась к право-центристской позиции, декларируя в качестве главных задач укрепление демократии и безопасности, борьбу с коррупцией, повышение конкурентоспособности и др. Но освобождающееся место на крайне правом фланге быстро занимает созданная в 2017 г. новая ультра-правая партия «Сила и решимость». На парламентские выборы 2018 г. она идет под лозунгами борьбы с либерализмом и «необдуманной толерантностью» Европы к угрозам, исходящим от ее собственных меньшинств и миллионов мигрантов.

Схожие тенденции наблюдаются в Польше. Там с 2015 г. блок национально-консервативной с элементами клерикализма партии «Право и справедливость (ПИС)» и двух небольших партий подобной ориентации контролирует 53% мест в нижней и 63% мест в верхней палате парламента, причем президент страны – также выходец из ПИС.

Тем временем позиция ПИС все больше сдвигается вправо, что выражается, в частности, в принятии ряда законов, которые в ЕС считают подрывающими верховенство закона и противоречащими фундаментальным принципам евроинтеграции. Центристская и, особенно, левоцентристская оппозиция слаба. Более того, при фактическом попустительстве контролируемых ПИС госорганов в стране усиливаются ультраправые политические силы.

Число участников «Марша независимости», проводимого ежегодно в день главного государственного праздника Польши и фактически контролируемого крайне-правыми националистическими движениями «Национально-радикальный лагерь (НРЛ)» и «Всепольская молодежь (ВП)», только в Варшаве за

7 последних лет выросло с нескольких тысяч до 60 тысяч человек. Государственная символика все больше сочетается при этом с расистскими, нацистскими, антисемитскими лозунгами, все больше участников представляют неонацистские группы из других стран ЦВЕ. Поэтому мировые СМИ назвали марш 2017 года «самым крупным фашистским маршем в Европе». При этом в марше участвовали и обычные люди, желавшие выразить привязанность к официальным национально-государственным символам.

Все это чревато привыканием общества к фашизму, его «одомашниванием». Впервые вербально осудив неонацистские лозунги марша в 2017 г., польские власти не предприняли никаких мер против его организаторов. Единственный случай вмешательства властей – начало в январе 2018 г. следствия в отношении движения «Гордость и солидарность (ГИС)», пропагандировавшего тоталитаризм, в т.ч. празднуя день рождения А. Гитлера. При этом делались заявления, что в Западной Европе подобные движения более развиты, а регистрацию ГИС прошла при прежнем центристском правительстве Польши.

Безнаказанность и фактическая легитимизация со стороны ПИС, по мнению ряда экспертов, может уже в конце 2018 – начале 2019 г. привести к созданию в Польше ультраправой партии по типу раннего «Йоббика». Потенциальный ее электорат уже налицо. По опросам, еще в конце 2016 г. 7% поляков считали себя националистами, а 17% одобряли деятельность НРЛ и ВП.

Даже в традиционно либерально-демократической Чехии на парламентских выборах в октябре 2017 г. впервые 4–е место (10,6%) заняла право-популистская, антииммиграционная и евроскептическая партия «Свобода и прямая демократия». Она получила ряд важных позиций в парламенте, а уже в декабре организовала в Праге конгресс партий, входящих в правую националистическую фракцию Европарламента «Европа наций и свобод», в т.ч. с участием лидеров правого политического фланга Западной Европы М. Ле Пен и Г. Вилдерса. В Словакии на парламентских выборах 2016 г. 5-е место (8,04%) заняла крайне правая партия «Народная партия – наша Словакия» во главе с политиком неонацистского толка М. Котлебой. Правда, в мае 2017 г. против него были выдвинуты обвинения в экстремизме и рассматривалась возможность запрета партии, как «угрожающей демократической системе Словакии». В ноябре 2017 г. партия, по

сути, проиграла региональные выборы, причем Котлеба лишился поста главы регионального правительства.

Новым «фронтом» для крайне правых партий (как впрочем и правящих) стало противодействие оживившимся под влиянием кризиса в Каталонии автономистским тенденциям в регионах компактного проживания национальных меньшинств, например, Силезии в Польше, Моравии в Чешской Республике и, особенно, Секейской области в Румынии.

Пока, в отличие от соседней Австрии, в странах ЦВЕ крайне правые партии в основном являются внесистемными и непарламентскими, не представлены в правительствах. Правда, по итогам мартовских выборов 2017 г. в коалиционное правительство Болгарии вошли представители национально-популистских (и даже ксенофобских) партий из блока «Объединенные патриоты» (3-е место с 9,31% голосов).

В рамках НАТО страны ЦВЕ – члены ЕС достаточно лояльны и дисциплинированы. Польша и Эстония уже достигли неформальной нормы НАТО по расходам на оборону – 2% ВВП. После критики Трампом европейских союзников скорейшее достижение этой нормы декларировали Латвия, Литва и Румыния. Остальные страны пока воздерживаются от установления точных сроков перехода на натовскую норму. Однако, все они намерены участвовать в активизации деятельности НАТО в своем регионе. Завершена дислокация в Польше, Литве, Латвии и Эстонии трех усиленных батальонных групп и бригады НАТО на ротационной основе. Число самолетов НАТО на базах стран Балтии возросло в 3-4 раза. На основе американской программы «Европейская инициатива сдерживания» предполагается развертывание в странах ЦВЕ у границ России и Белоруссии 3-5 тыс. военнослужащих НАТО с техникой и оборудованием. В рамках этой программы в 2018 г. только на расширение и модернизацию используемых США авиабаз в Европе намечено потратить 214,2 млн. долл., в т.ч. больше 50% в Венгрии, Латвии, Румынии, Словакии и Эстонии.

Наиболее «пронатовские» страны ЦВЕ – Польша и Румыния, где за членство в альянсе выступают, соответственно, 92% и 82% граждан. Они наиболее активны и в двустороннем военном сотрудничестве с США. В Польше и Румынии уже размещаются американские системы ПРО, потенциально способные выполнять и наступательные функции. Кроме того, в июле 2017 г. Польша и

США подписали меморандум о продаже Варшаве не только комплекса ПРО Patriot PAC-3, но и специальной версии оперативно-тактической ракетно-артиллерийской системы комплекса HIMARS с радиусом действия, покрывающим территорию Калининградской области России и часть территории Беларуси. Польша настаивает на размещении у себя новой командной структуры НАТО по организации переброски техники и военных по европейскому континенту. Однако, старые страны ЕС предлагают локализовать логистическое командование в Германии, чтобы не осложнять отношения с Россией и сохранить возможность сворачивания ротационного присутствия войск НАТО в странах ЦВЕ при улучшении отношений с Москвой.

Большинство стран ЦВЕ-членов ЕС осторожно оценивают перспективы PESCO, опасаясь превращения его в менее эффективную альтернативу НАТО и подчинения интересам, прежде всего, Франции и ФРГ. Польша, например, обусловила свое участие недопущением конкуренции PESCO с НАТО и США, использованием его для укрепления восточного фланга НАТО и финансирования развития ВПК стран ЦВЕ из фондов ЕС. Тем не менее, на встрече в Будапеште в январе 2018 г. лидеры Вишеградской группы подтвердили необходимость создания единой армии ЕС для противостояния внешней агрессии, борьбе с терроризмом и даже с «миграционным кризисом».

Демонстративную самостоятельность в 2017 г. и здесь проявила Венгрия (в октябре заблокировавшая заседание Комиссии Украина-НАТО на уровне министров иностранных дел).

В 2016-2017 гг. продолжались попытки стран ЦВЕ вне рамок ЕС и НАТО «монетизировать» свое геостратегическое положение. Прежде всего, это относится к реализации выдвинутой Польшей и Хорватией «Инициативе трех морей (Трехморья)», охватывающей 11 стран ЦВЕ-членов ЕС (расположенных между Балтийским, Черным и Адриатическим морями) и Австрию. Декларированная ею цель – развитие регионального энергетического, инфраструктурного и экономического сотрудничества по вертикали «Север-Юг» в тесной увязке с интеграцией ЕС. Два главных проекта – строительство автомагистрали «Via Carpathia» от Литвы до Греции и инфраструктуры для приема и транспортировки сжиженного природного газа между морскими терминалами в Польше и Хорватии. Эта инициатива настороженно воспринимается в

Брюсселе (опасающемся ее перерастания в политическую сферу и усиления регионализма в ущерб развитию Евросоюза как целого). Старые страны ЕС, особенно ФРГ, также опасаются роста влияния США на страны Трехморья, в т.ч. лоббирования энергохабов в Польше и Хорватии в ущерб немецким интересам.

Схожие опасения имеются у Брюсселя, Берлина и Парижа и в отношении сотрудничества стран ЦВЕ – членов и кандидатов в члены ЕС с Китаем в рамках формата «16+1», втягивающего страны ЦВЕ в реализацию китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), ослабляя их интеграцию в рамках ЕС. При этом главными «опорными точками» Китая в регионе среди членов ЕС стали именно евроскептические Венгрия, Польша и Чехия.

По ряду направлений инициативы «Трехморья» и Китая коррелируют, что вызывает не только дополнительные опасения, но и превентивные меры со стороны лидеров евроинтеграции. Так, в Брюсселе поддержали конкурирующий с «проамериканским» в Хорватии «проезсовский» проект газопорта в Словении и существенно затормозили строительство скоростной железной дороги между Сербией и Венгрией в рамках китайского проекта.

Более благосклонен Брюссель к новому важному «внееезсовскому» игроку – Японии. Она может хотя бы частично уравновесить растущее влияние Китая в регионе на основе реализации подготовленного в декабре 2017 г. Соглашения об экономическом партнерстве ЕС-Япония. Странам ЦВЕ оно позволяет расширить важный для них агропродовольственный экспорт и привлечь японские инвестиции в автомобилестроение, сферу транспорта, телекоммуникаций, электронной коммерции и др. В январе 2018 г. японский премьер С. Абэ посетил ряд наименее евроскептических стран ЦВЕ – членов ЕС: Эстонию (обсуждены вопросы сотрудничества в сфере кибербезопасности, в т.ч. в рамках НАТО), Латвию и Литву (вопросы транспорта и инфраструктуры), Болгарию – страну-председателя ЕС в начале 2018 г. (вопросы ратификации и имплементации Соглашения о партнерстве) и Румынию, основного экономического партнера Японии в регионе (расширение инвестиций в машиностроение).

Страны ЦВЕ – не члены ЕС

Эти государства недовольны затягиванием подготовки к их принятию в Евросоюз и недостаточной финансовой помощью. По сути, ЕС пока тормозил реализацию своей стратегии расширения на Западные Балканы не только из-за экономических трудностей при выходе из кризиса 2008 г., но и опасений ряда стран-членов относительно наплыва дешевой рабочей силы и общественного недовольства, в т.ч. из страха перед исламским терроризмом. Почти четверть европейцев, примкнувших к ИГИЛ – выходцы с Западных Балкан. Сказывались и опасения быть втянутыми в почти 20 крупных и малых актуальных внутривалканских конфликтов, касающихся как стран-членов ЕС (Словении с Хорватией), членов и кандидатов в члены ЕС (Хорватии с Сербией и Черногорией, Болгарии и Греции с Македонией), так и национально-этнических образований внутри стран (сербских и хорватских в Боснии и Герцеговине, сербских в Косово и албанских в Сербии и Македонии). Сохраняются и различия по вопросам независимости (а значит, и евросовской перспективы) Косово: кроме Сербии и Боснии и Герцеговины (БиГ) ее не признают два новых (Румыния и Словакия) и три старых (Греция, Испания, Кипр) страны ЕС.

Однако фактическое замораживание евроинтеграции Западных Балкан не ослабило, а в какой-то степени, даже обострило данную ситуацию, снижая роль Евросоюза в субрегионе. Даже по мнению евроскептических вишеградцев, ЕС должна иметь реальную стратегию для Западных Балкан, как «имеют ее США, Россия и Турция».

В этой связи в начале 2018 г. Еврокомиссия намечает обнародовать проект такой стратегии, предусматривающий в 2025 г. членство в ЕС Сербии и Черногории и подготовку членства Албании, БиГ, Македонии и Косово. Конкретные сроки обуславливаются наличием в балканских странах «сильной политической воли, реализацией реальных реформ и долгосрочным решением споров с соседями». Окончательные решения по реализации стратегии ЕС намечает принять в 2019 г. Однако намеченная ЕС «первоочередность» Сербии и Черногории фактически уже провоцирует новый внутривалканский конфликт – остальные страны выступают за одновременное вступление в ЕС.

Ключевая для ЕС страна Западных Балкан – Сербия, на которую приходится 49% населения и 46% ВВП этого субрегиона. Она является и ведущим военно-политическим игроком. Это

осознается руководством как ЕС, так и евроскептических вишеградцев. Поэтому, если Черногория в основном соответствует формальным критериям присоединения к ЕС, то решение по Сербии в значительной мере будет мотивировано политически. Как подчеркивал на встрече лидеров Вишеградской группы в январе 2018 г. В.Орбан, «если Сербия войдет в ЕС, Балканы будут эффективно стабилизированы». Однако, общественное мнение по этим вопросам неоднозначно. По опросам Евробарометра, в 2014 г. против расширения ЕС выступали 48% респондентов, причем в «ядре» Евросоюза – Франции и ФРГ 65-68%. В самой Сербии, по мониторингу Совета регионального сотрудничества, присоединение к ЕС однозначно поддерживают лишь 26% респондентов, против 32% в БиГ, 44% в Черногории, 81% в Албании и 90% в Косово.

Евроинтеграция Сербии, с точки зрения ЕС, затрудняется неоднозначным прогрессом в проведении реформ (в т.ч. сближения законодательства с правовыми нормами ЕС) и развитием политических, военных и экономических связей с Россией. Однако, вероятно, что в случае с Сербией ЕС не повторит «украинскую ошибку», взаимоисключив сотрудничество и с ЕС, и с ЕАЭС. Назначение в июне 2017 г. премьер-министром А.Брнабич (эксперта по экономическим реформам и не скрывающей своей нетрадиционной ориентации) должно было продемонстрировать однозначный курс на евроинтеграцию и внутреннюю общественно-политическую «евротолерантность» Сербии. При этом А.Брнабич заявила, что ее страна не должна выбирать между Западом и Россией, добавив, что связи Сербии с Москвой не являются препятствием для вступления в Евросоюз.

Такой линии придерживаются правящая коалиция из центристско-консервативной Сербской прогрессивной партии (лидер-президент Сербии А.Вучич) и лево-центристской Социалистической партии Сербии (лидер - первый зам. председателя правительства, министр иностранных дел И.Дачич), получившая более 59% голосов на досрочных парламентских выборах 2016 г. Такая общественная поддержка позволяет коалиции реализовать свою «проеэсовскую» стратегию даже при критике со стороны части других партий, которых в Сербии около 60, не считая партий национальных меньшинств.

Определенные шаги по «европеизации» Западных Балкан делаются и на двусторонней основе. Новый премьер Македонии З.

Заев (лидер социал-демократов и бывший бизнесмен) заключил с Болгарией Договор о дружбе и сотрудничестве, предусматривающий взаимный отказ от территориальных претензий и от поддержки действий, направленных против другой стороны. Он также предложил приемлемые для Греции варианты официального названия своей страны. Это открывает путь к началу переговоров о членстве Македонии в ЕС уже в 2018 г.

Продолжается сближение стран ЦВЕ – не членов ЕС с НАТО. Правда, руководство Сербии декларирует военный нейтралитет и ограничение связей с НАТО форматами типа «Партнерства во имя мира». Однако, законодательно нейтральный статус Сербии не закреплен. Остальные страны региона в целом ориентированы на членство в НАТО.

Благодаря присоединению Черногории, НАТО получила контроль над всеми базами ВМФ в Адриатическом море. Договоренности Македонии с Болгарией и Грецией позволят резко активизировать процесс ее интеграции в НАТО. Практически готов план действий по членству в альянсе Боснии и Герцеговины. Она также воздержалась при голосовании по декабрьской антиамериканской резолюции Генассамблеи ООН. Даже руководство непризнанного рядом стран-членов и кандидатов в члены ЕС Косова рассчитывает на вывод из страны полицейской миссии ЕС, создание регулярной армии и вступление в НАТО в 2020 г.

Страны Западных Балкан подключаются и к «внеэсовским» экономическим и политическим проектам, прежде всего с Китаем. Сербия является одной из «опорных точек» ОПОП, черногорский порт Бар рассматривается как важный элемент китайского «Морского Шелкового пути XXI века». Япония также видит в Сербии важного потенциального партнера, поэтому Белград стал единственной западнобалканской остановкой январского турне С. Абэ по региону ЦВЕ.

Россия в восприятии европейского политикума

Для большинства стран Европы самоочевидным является тезис о том, что Россия представляет собой в глобальной и региональной политике существенную величину, которую невозможно игнорировать. Соответственно, внимание к происходящему в России у ведущих политических сил на протяжении длительного времени находилось на относительно высоком уровне. Обвинения России во вмешательстве во внутривнутриполитические дела и избирательные кампании, в информационной агрессии против Запада и пропаганде стали уже привычным элементом в мировой политике. Одной из последних в 2017 году в подрыве международного порядка, западных институтов, попытках посеять раздор на Западе Россию обвинила Премьер-министр Британии Тереза Мэй в своей ежегодной речи по внешней политике. Власти Испании, усмотрели «руку Москвы» в каталонском кризисе.

На Западе, согласно опросам общественного мнения⁴, лишь немногие страны доверяют Президенту России В. Путину в вопросах международной политики. В среднем только каждый четвертый из опрошенных (26%) ответил, что он доверяет российскому лидеру. В то же время лишь 31% опрошенных жителей 37 стран назвали силу и влияние России серьезной угрозой для безопасности их государств. Такой же процент опрошенных опасаются Китая, Америку же считают серьезной угрозой для их национальной безопасности 35%. Почти все страны, за исключением Польши и Иордании, считают Россию менее серьезной угрозой по сравнению с такими угрозами, как «Исламское государство» (запрещена в РФ) или изменение климата.

Меньше всего доверия к Путину в Европе, где 78% опрошенных выразили недоверие российскому президенту - 89% опрошенных в Польше, 88% в Испании, 87% в Нидерландах, 87%

⁴ Vice M., *Publics Worldwide Unfavorable Toward Putin, Russia*, Pew Research Center, 16.08.2017. Available at: <http://www.pewglobal.org/2017/08/16/publics-worldwide-unfavorable-toward-putin-russia/> (Accessed 9.11.2017)

в Швеции и 80% во Франции. Только в трех странах из тех 37, где проводилось исследование, большинство респондентов заявило о своем доброжелательном отношении к России: это были Вьетнам (83%), Греция (64%) и Филиппины (55%). Несмотря на то, что уровень доверия к внешней политике Путина в целом низкий, во многих странах он пользуется большим доверием, чем президент США Дональд Трамп.

Хотя есть различия по странам, в целом России и ее президенту в большей степени доверяют мужчины, представители правых взглядов, скорее молодые и менее образованные, что коррелирует с данными об электоральных базах правых национал-популистов в Европе и в мире в целом.

В контексте украинского кризиса и сопровождающего его информационного противоборства отношения с Россией оказались в центре уже не только дискуссий о внешней политике, но и, в ряде случаев, внутривнутриполитического противоборства.

Так, в Германии отношение к российскому политическому руководству, с подачи ведущих СМИ и лидеров общественного мнения, становится маркером «моральности» того или иного политического деятеля. Широкое хождение получил ярлык «понимающий Путина», подразумевающий, что его носитель фактически поддерживает коррупцию, нарушения прав человека и международного права. Прямая работа известного лица с российским бизнесом, наиболее ярким примером которой является опыт бывшего канцлера Г.Шрёдера, преподносится политическими противниками по-прежнему уважающей Шрёдера СДПГ как свидетельство невиданного морального падения. СДПГ в целом часто подозревается в излишней мягкости в отношении России, хотя возглавивший партийную кампанию на выборах 2017 г. М.Шульц лично не был замечен в подобном уклоне, напротив, его работа в традиционно критично настроенном к России Европарламенте придает ему образ не менее жесткого, чем А.Меркель, переговорщика.

С лидерством А.Меркель часто связывают содержание и устойчивость санкционной политики Евросоюза в отношении России. Соответственно, в ХДС, в отсутствие позитивных изменений в зоне конфликта на востоке Украины, доминирует критическая оценка российской политики, не исключая диалога по отдельным вопросам и сотрудничества деловых кругов. Заметной

спецификой отличается подход сестринской партии ХДС – баварской ХСС. Ее лидер Х.Зеёхофер неоднократно встречался с российским руководством и демонстрирует готовность ставить существенные бизнес-интересы баварских производителей на российском рынке впереди прочих политических озабоченностей.

Более жесткими, чем ХДС, критиками России традиционно оставалась Партия зеленых. При этом партия проходит через смену поколений, в результате которой наиболее известные партийные специалисты по России М.-Л.Бек и Р.Фюкс фактически отправляются на пенсию. Не исключено, что при определенных условиях, персональные изменения повлекут за собой некоторое смягчение партийных подходов к России, которое, скорее всего, не пойдет дальше позиций ХДС.

Партия Левых, напротив, по многим внешнеполитическим вопросам фактически встает на позиции, близкие российскому политическому руководству, выражая критическое отношение к НАТО и ЕС и принимая аргументацию, объясняющую вынужденный характер действий России в ходе украинского кризиса.

Заметным событием предвыборной кампании 2017 г. стал скандал вокруг высказываний лидера либеральной СвДП К.Линднера в отношении России. В одном из своих интервью Линднер призвал преодолеть «табу», признать, что присоединение Крыма к России является «временным решением на длительный период» и, не превращая проблему Крыма в препятствие для обсуждения с Россией других тем, создавать стимулы для российского руководства, подталкивая его к конструктивному поведению в вопросах урегулирования украинского кризиса. Хотя содержательно предложения Линднера мало отличаются от сложившегося в германской политике и поддерживаемого А.Меркель образа действий, их риторическое оформление, как своего рода уступок России, вызвало лавину осуждающих комментариев от конкурентов на выборах и ведущих СМИ. Значимость этому инциденту придает принятая в Германии практика строительства «черно-желтых» коалиций, вероятность которой была высока в 2017 г. – в такой коалиции именно представитель СвДП становится министром иностранных дел.

Принято считать, что руководство и избиратели АдГ всячески симпатизируют России (лидеры партии постоянно

высказываются за отмену санкций; совершают поездки в Москву и Крым, заявляя о необходимости его признания частью России и т.д.). Вместе с тем следует отметить, что в программе партии о России говорится лишь то, что без неё нельзя обеспечить безопасность в Европе - что аналогично заявлениям представителей правящей коалиции. Показательно также высказывание считающегося наиболее пророссийским лидером АдГ А.Гауланда в интервью радиостанции ВВС: «Мы не хотим путинской политики здесь в Германии, но во внешней политике нам нужны хорошие отношения с Россией». Шансы АдГ, Партии Левых, а также Зеленых оказать реальное воздействие на формирование внешней политики Германии невелики.

Во Франции, как и в большинстве стран Южной Европы, остро критическое восприятие России традиционно менее распространено, чем в ЦВЕ или Германии. У страны другие внешнеполитические приоритеты, связанные, в первую очередь, с Африкой и Средиземноморьем. Напряжения в российско-французские отношения добавил не столько украинский кризис, сколько поддержка Россией правительства Б.Асада в Сирии. Тем не менее, к моменту президентских выборов во Франции уже сформировалось понимание, что ставка стран ЕС на оппозицию Асаду не дает результатов, что способствовало снижению приоритетности темы. В отличие от Германии, во Франции выражение симпатии к России, даже с учетом сложившейся вокруг нее напряженной атмосферы, является политически допустимым, а резкая критика российской политики не приносит существенных очков в глазах избирателя. Завершившая выборные кампании полным провалом Партия социалистов пыталась подчеркнуть свое критическое восприятие российского руководства, но этот подход вряд ли можно рассматривать как плод устойчивого внутрипартийного консенсуса. Социалистам, по-видимому, предстоит масштабное обновление и внутренняя перестройка, которая может повлиять и на подходы к внешней политике.

Партия «Республиканцы» вслед за Н.Саркози сохраняет настрой на взаимодействие с Россией и готовность принять, по крайней мере, некоторую часть российской аргументации, использовавшейся в ситуациях конфликта между Россией и Западом.

Движение Э.Макрона «Вперед, республика» фактически взяло за основу отношений с Россией сложившийся в Евросоюзе мейнстрим, предполагающий сохранение санкционной политики в отсутствие прогресса в урегулировании конфликта на востоке Украины при параллельном развитии диалога по другим темам. Вероятнее всего, оттенки политики нового президента в отношении России не сыграют существенной роли в восприятии его избирателем, который очень озабочен, прежде всего, вопросами внутреннего экономического и социального развития страны.

В философии Национального Фронта Россия – культурно близка Европе и является потенциальным и идейно близким союзником в Старом свете. В украинском кризисе НФ отказался возлагать ответственность на Россию, обвинив, прежде всего, США и ЕС во вмешательстве во внутренние дела Украины, выступил против антироссийских санкций. При всём том, что НФ активно ищет пути взаимодействия с Россией, сложно сказать, насколько фронт искренен в своих симпатиях. НФ активно работает в первую очередь на свой имидж среди протестного электората, недовольного кризисом, и отстаивает традиционные ценности, наряду с подобными им силами в Европе. Это может объяснять ту поддержку Москвы, которую декларирует (но которой не обязательно может следовать) М.Ле Пен. Всё это позволяет НФ так или иначе находить общий язык с Кремлем. Пока это выгодно обеим сторонам, данное взаимодействие сможет продолжаться.

Великобритания традиционно относится к группе европейских стран, выступающих за более критическое отношение к России. «Брекзит» потенциально может подтолкнуть страну к изменению этой позиции в контексте поиска новых партнеров за пределами ЕС, однако пока этого не произошло. Действующий министр иностранных дел Б.Джонсон фактически сорвал планировавшийся в марте 2017 г. визит в Россию под предлогом изменения в графике встреч стран НАТО. Резкий ответ российского МИДа на происшедшее позволяет предположить, что позитивное развитие отношений, по крайней мере, в период пребывания Б.Джонсона на позиции министра, маловероятно. В Консервативной партии существуют и течения, выступающие за более умеренную политику в отношении России, но их возможности ограничены, с учетом противоборства, которое консерваторы ведут с Дж. Корбином, изображая его и его команду, как леваков, готовых

пожертвовать британскими стратегическими интересами. В этом же контексте, лейбористы, в свою очередь, стараются по мере возможности избегать столкновений по вопросу о политике в отношении России.

Н.Фарадж резко выступает против действий ЕС и Запада в целом в украинском кризисе. В Европарламенте он заявил, что Европа «непосредственно поощряла» переворот на Украине, свержение пусть и коррумпированного, но законного лидера Януковича, что заставило Владимира Путина «отреагировать». «Поспешное» присоединение Крыма дало повод обвинить Россию в возрождении советской империи, но «заслуга [В.Путина] в том, что удалось защитить население Крыма от киевских боевиков». «Империя ЕС, стремясь к расширению, предъявила свои территориальные претензии на Украину..., а некоторые страны НАТО, что хуже, заявили, что хотели бы видеть Украину членом НАТО». Запад должен прекратить «военные игры» в Украине и прекратить «тыкать русского медведя палкой». «Не следует и далее провоцировать Путина, нравится он нам или нет». К подобным провокациям Н.Фарадж относит бомбардировки Ливии, вооружение оппозиции в Сирии. Необходимо вместо этого объединить усилия с российским лидером, который «находится на нашей стороне» в войне с исламским экстремизмом, представляющим реальную угрозу.

В Нидерландах вопросы политики в отношении России остаются под грузом продолжающегося расследования катастрофы летевшего из Амстердама малазийского авиалайнера на востоке Украины в июле 2014 г., большинство пассажиров которого было гражданами Нидерландов. В случае если результаты расследования окажутся неблагоприятны для России, практически любое голландское правительство будет вынуждено ужесточить свою позицию в отношении российского руководства, требуя признания результатов расследования и компенсаций.

Г.Вилдерс, как и его радикально правые коллеги в других странах ЕС, неоднократно высказывался в том духе, что Нидерланды как торговая держава получают только выгоду от снятия барьеров для торговли с Россией.

В Северной Европе в вопросе отношений с Россией особняком стоит Финляндия, сохраняющая курс на продуктивное взаимодействие с соседом и поддержание контактов на высшем

уровне даже в самых сложных политических условиях. Хотя такой подход фактически остается предметом финского политического консенсуса, в СМИ и аналитических работах финских исследователей можно заметить существенно возросшие в контексте украинского кризиса опасения в отношении России. В этом смысле позиция Финляндии может сблизиться с подходом Швеции и, при определенном неблагоприятном развитии событий, привести к поддержке населением этих стран идеи вступления в НАТО.

Греция, в характерном для стран Южной Европы ключе, проявляет готовность сотрудничать с Россией в той мере, в которой это позволяют достигнутые в рамках ЕС договоренности. Такой подход в целом характерен для всех ведущих партий, которые вынуждены отдавать приоритет сложным переговорам с институтами ЕС по вопросам содействия экономическому развитию. «Независимые греки» выступают за снятие санкций с России, но в последнее время мало высказываются по вопросам взаимоотношений с РФ, согласовывая свою позицию со старшим партнером по коалиции (то есть партией СИРИЗА). «Золотая заря» выступает против участия в санкциях против России, поскольку они не соответствуют геополитическим интересам Греции. В российско-украинском противостоянии эта партия поддерживает Россию. Более того, «Золотая заря» осудила близкие ей по духу украинские националистические партии и движения («Свобода», «Правый сектор»), заявив, что они «имеют тесные связи с американским еврейским сообществом».

Италия традиционно поддерживает смягчение политики в отношении России, в том числе намекая на неэффективность и контрпродуктивность санкционного режима, но не готова деятельно разрушать сложившийся в ЕС консенсус. Итальянские правые радикалы считают, что национальный интерес Италии заключается в укреплении отношений с Россией, «чтобы вместе бороться с исламским фундаментализмом, который является настоящим врагом». Российский президент оценивается как «стратегический ресурс», а не как опасность (Мелони). Выступают против антироссийских санкций, а украинский конфликт практически не упоминается в публичных выступлениях лидеров радикальных правых. М.Сальвини не раз посещал Крым (неофициально) и высказывался за развитие сотрудничества. Страна проходит через

период внутривнутриполитической неопределенности, в течение которого ожидать ярких внешнеполитических инициатив от ее руководства не приходится.

В странах ЦВЕ уже после принятия их в Евросоюз стали заметны различия между более прагматично настроенными странами (Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Болгария, Хорватия) и критикующими Россию с «принципиальных» позиций странами Балтии, Польшей и Румынией. Хотя на волне украинского кризиса в 2014-2015 гг. негативное отношение к России в ЦВЕ, как и во всей Европе, существенно усилилось, к 2017 году в большинстве стран региона (даже в Балтии), за исключением Польши и Румынии, политики и бизнес все чаще стали высказываться в пользу большего прагматизма в отношении Москвы. Анализ позиций и программ основных политических сил и партий свидетельствует, что, в отношении России страны ЦВЕ все в большей мере руководствуются национальными интересами, прежде всего торгово-экономическими. Однако не менее показательны с точки зрения их видения развития европейских интеграционных процессов и то, что ЦВЕ не нарушает консенсус и голосует за продолжение режима санкций.

Заключение

Европейский политический ландшафт вступил в фазу реструктуризации. Этот процесс может занять годы, так как обусловившие его факторы и проблемы требуют комплексных решений, в ряде случаев не только Евросоюза и отдельных европейских стран, но и на глобальном уровне. Финансово-экономические проблемы, вопросы безопасности, включая миграционные, этно-религиозная напряженность и конфликты, все более остро проявляющиеся последствия четвертой индустриальной революции и роботизации, ведущие к появлению миллионов «прекариатов», «лишних людей 21 века» - все эти вызовы и угрозы носят глобальный характер. Однако их острота на данном этапе порождает один из ключевых парадоксов нынешнего миропорядка: недостаточная и снижающаяся эффективность традиционных международных институтов (прежде всего ООН) и интеграционных форматов (Евросоюза и других) подталкивает национальные государства к поиску самостоятельных, национально-ориентированных решений этих экзистенциальных проблем. А общества – к понятным и порой примитивным ценностным ориентирам прошлого.

В Европейском союзе, переживающем к тому же глубокий институциональный кризис, указанные проблемы вызвали, среди прочих, две тенденции – усиление праворадикальных сил и требования новых членов ЕС в регионе ЦВЕ более полно учитывать их национальные интересы и особенности. Обе тенденции, как свидетельствует анализ, осложняют процесс эволюционной перестройки и укрепления европейской интеграции.

Борьба между партиями европейского мейнстрима и радикалами продолжится, но вполне вероятно, что центристы смогут на протяжении многих избирательных циклов сохранить за собой контроль над принятием решений. В ряде стран правые радикалы становятся неотъемлемой частью политического ландшафта, претендуя на 20-30% голосов. Однако пока для 70% электората проповедуемые ими идеи остаются нежелательными или неприемлемыми. Центристы смогут поддерживать вокруг радикалов

«санитарный кордон», в случае острой необходимости объединяясь скорее с левыми, чем с правыми силами.

Опасность для центристов кроется не столько в изменении настроений избирателей – большинство населения в развитых странах придерживается умеренных взглядов – сколько в политической апатии. Если рядовой умеренный избиратель утрачивает интерес к участию в выборах, радикалы получают существенное преимущество, мобилизуя своих сторонников. Однако пока можно наблюдать скорее обратный процесс. Умеренный избиратель начинает осознавать угрозу со стороны радикалов и популистов, возможно, отталкиваясь не от опыта своей страны, но от происходящего в США в период президентства Д.Трампа.

Подходы стран ЦВЕ амбивалентны. С одной стороны, они открыто выражают свою позицию по самым острым вопросам (включая миграцию, отношения с Россией и др.), даже если она не совпадает с общеевропейской, и требуют от Брюсселя учитывать их национальные, порой периферийные интересы. С другой стороны, страны региона осознают ценность европейской интеграции, лояльны и не намерены от нее отказываться. В этом смысле политику стран ЦВЕ, несмотря на значительные противоречия в их позициях, можно рассматривать как стимул реструктуризации и дальнейшего развития европейской интеграции.

Для России принципиально важно, несмотря на накопившиеся проблемы, сохранить и развить взаимодействие с силами политического центра в европейских странах, в том числе в регионе ЦВЕ. Многие политики-центристы остаются открытыми для диалога, что не означает некритического приятия ими российских официальных подходов. Даже с учетом неустрашимого характера ряда разногласий, непреходящее значение центристов в процессе принятия решений необходимо учитывать. Взаимопонимание с представителями политического центра по отдельным вопросам в практическом плане окажется более ценным, чем готовность громогласно поддержать псевдо-российские подходы со стороны радикалов, не обладающих инструментами для воплощения своих идей в жизнь.

Научное издание

Реструктуризация политического ландшафта
европейских государств

Под редакцией

*Барановского Владимира Георгиевича
Кобринской Ирины Яковлевны*

Научный доклад

ISBN 978-5-9535-0523-9

Подписано в печать 29.12.2017.
Формат 170×240. Печать офсетная.
Объем 8,75 п.л., 3,4 а.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 41/2017

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23